

Евгений Лисицин
Алекс Рок

КНЯЗЬ РЫСЕР

КНЯЗЬ РЫСЕВ

ЕВГЕНИЙ ЛИСИЦИН

КНЯЗЬ РЫСЕВ 5

«Автор»

2023

Лисицин Е.

Князь Рысев 5 / Е. Лисицин — «Автор», 2023 — (Князь Рысев)

Еще вчера я был гол, а сегодня сокол. Точнее, рысь. Князь Рысев, приятно познакомиться. Хотите знать, что дает мой титул? Головную боль, официальную опалу у императора, и всеобщее желание моей смерти, даже у соседской кошки. Хрен им! Умирать второй раз не по-княжески. Тем более у нас тут есть лисодевочки, сексуальные демоницы и чародейки прямо огонь, причем в прямом смысле слова. Значит, прорвемся или порвемся, тут уж как карта ляжет. Ну, понеслась...

Евгений Лисицин, Алекс Рок

Князь Рысев 5

Глава 1

Все было почти как в фильмах про войну.

Стол, стул, лампа, из которой нет-нет, да выглядывал любопытный чертенок.

Он смотрел на меня со смесью презрения и жалости – видимо, чуял во мне собрата, добровольно отказавшегося от дьявольской сути.

Наверно, точно так же я смотрел бы на того, кто решил перестать быть человеком.

Вокруг было темно, а я ощущал себя мальчишкой, которого за плохое поведение усадили в угол – поразмыслить и вообще.

Местная мгла была совершенно иной, не как та, к которой я почти успел привыкнуть. Прошло, наверное, ровно полгода с тех самых пор, как я выбрался из треклятых туннелей, но память, казалось, желала сохранить в себе сочные моменты тех дней навсегда.

Потому что тут, за пределами укрытого в подземье храма самого Сатаны, все слишком мягко, обыденно и блекло.

Настоящий свет можно узреть только в беспросветной мгле.

На столе лежала папка с моим личным делом – ждала своего часа.

Мне вспомнилось, как шесть месяцев тому назад я отчаянно пытался выяснить, кто же хотел меня похитить, а кому позарез понадобилось меня убить.

Сейчас, после того что творилось на улицах Петербурга – Петербурга ли лишь? На улицах всей страны! – стоило лишь выглянуть в окно, чтобы понять, какие же это были мелочи.

Мелочи, суета, серость местного быта.

Аристократия благородных родов развлекалась меж собой годами, устраивая кровавые стычки, пытаясь вырвать изначальные артефакты. Словно желали перещеголять друг дружку в эпатаже и кровожадности.

За просторами этих стен теперь они спешили сплотиться, стать единой, монолитной структурой перед лицом общей опасности.

Я ухмыльнулся – лоскутное лицо их монолита было шито белыми нитками и трещало по швам. Они проворачивали подобные фокусы во время войны, неизменно сохраняя статус-кво. Потому что в войне можно выиграть или же, напротив, проиграть – это слабо изменит общий расклад сил. Несчастные крестьяне станут еще несчастней, благородные роды хапнут еще глоточек благородства и устремятся в космические дали забвения от одной лишь попытки осознать свое величие.

Вот только все это не работало в новых условиях. Война вырвалась к нам из адских глубин, заполняя собой все сферы жизни. Враг был силен не танками, толщиной калибра и стройными рядами.

Сам Ад, словно из священных писаний, вылился на улицы. Некогда вынужденные работать бесы теперь с превеликим удовольствием творили чад кутежа над бывшими рабовладельцами.

Интриги, тайны, заговоры – все, что буйным цветом расцветало прежде, оказалось для аристократии разъедающим изнутри ядом. Они не могли долго работать сообща – прежние обиды не давали им покоя, тащили на дно...

Интересно, каково это – осознавать, что привычный мир гибнет в дьявольском огне, и ты рад бы его спасти, но вот только не с остальными.

В одиночку, хотя понимаешь, что не справишься.

По правую руку, соседствуя с краснокожей папкой – я не удивился бы, если бы она в самом деле была сделана из одной знакомой мне дьяволицы, – лежала газета.

Свежая, еще пахнувшая чернилами.

На французском языке, конечно же...

Под ней покоился тонкий рукописный лист того, что издавалось в России сейчас. Его ровна словно нарочно положила их, на что-то намекая. Знать бы еще толком на что.

Голова болела и гудела, словно паровоз. Чашка кофе манила чарующим ароматом, от тонкого, словно лист бумаги, бутерброда, мутило.

Аппетита не было совсем, да и откуда ему взяться? Руки сковывали наручники, я, наверное, с добрую неделю кукую в застенках секретных лабораторий инквизиторов.

Сейчас будет очередной допрос – все, что я мог им рассказать, рассказал уже давным-давно. Один инквизитор сменял другого – то молодежавый рубаха-парень, то строгая, постоянно дело скребущая пером по бумаге девчонка в кристаллитовых очках. А до них, кажется, был пузатый и угрюмый, с хриплым голосом и вечно потеющий.

Они навевали скуку так, как не мог ни один из преподавателей офицерского корпуса.

Я выдохнул – все мои друзья, да и недруги тоже сейчас где-то там, вместе с своими подручными бьют получивших свободу бесов.

Ссутся в штаны, визжат от неизбывного ужаса, уступают культурную столицу по клочку – но бьются.

Французский не был мне родным, но я сомневался, что новости оттуда чем-то сильно отличались друг от дружки. Если скомпоновать рукописный лист и газету, то можно будет выудить общую картину.

Мировая общественность была в шоке. Германия и Австрия голосовали за немедленную отправку войск к границам России, чтобы вырвавшаяся нечисть не рванула творить бесчинства уже к ним.

Я ухмыльнулся – Биске плохо давались апокалиптические речи, но одно я понял из ее тогдашних слов: это будет массово.

Не только ведь в России догадались кататься на чертях да пихать их в телефонные провода – выдумщиков было навалом. Не без особого колорита, конечно же, но навалом.

Умнее всех была Эльфияния – остроухи из своего чопорного Парижу спешили предложить на всеобщем собрании, что человечество столкнулось с новой угрозой и должно сплотиться перед ее лицом. Закончить вражду во время кризиса и...

Умнее-то они, конечно же, были, спору нет, вот только вся эта политическая шушера мало чем от нашей аристократии отличалась. Они не желали победить вместе, они жаждали нагреть руки даже на этом конфликте.

А после них – хоть потоп!

Турция, если верить строкам, была непреклонна и готовила войска для полномасштабного вторжения. Реваншизм горел в глазах запечатленного на фото султана – желание воздать за прошлые поражения было написано едва ли не на его лице.

У кофе оказался мерзкий, почти резиновый вкус – ну да, с тем-то, что творится сейчас по всей стране, особо не пошикуешь...

Про чертей не писали ничего – то ли попросту боялись лишний раз даже на страницах газеты поминать кривохвостых, то ли вдруг поселившаяся повсюду обреченность была видна прямо из окна.

Я смотрел на дверь, ожидая допроса. Интересно, кто это будет сегодня? Знакомые все лица или кто-то новенький?

В конце концов, не веселья же ради меня сюда притащили. Знать бы еще только, чего же они конкретно добиваются? Что хотят узнать? Я провел здесь немало времени, и начинало казаться, что они сами толком не знают.

Временами я ловил на их лицах скупое недовольство – инквизитории не желали тратить время на лишние разговоры. Засидевшиеся в библиотеках, они давно жили в ожидании бури.

И, наконец, она свершилась. Стоит ли говорить, что они оказались к ней чудовищно не готовы? Что реальность оказалась жестче чем то, к чему их готовили?

Уверен, это же можно было сказать и про кадетов с выпускниками офицерского корпуса – в конце концов, как можно ждать того, что против тебя взбунтуются твои же боевые машины и вчерашние торшеры?

А вот поди ж ты.

Я начал клевать носом буквально за минуту до того, как услышал чужие шаги за дверью. Встрепенулся, сгоняя с себя объятия Морфея, потер лицо ладонями. Когда дверь заскрипела, я был почти в порядке.

Поначалу почудилось, будто я в самом деле уснул. Часто заморгав, силился прогнать наваждение, но помогало мало.

Наваждение рядилось в скупое, грубовато пошитое мужское пальто. Годы не пощадили одежду, частые стирки истрепали рукава и воротник по краям.

Передо мной стояла Егоровна собственной персоной.

Едва вспомнив ее имя, я едва ли не заскрипел зубами. Про треклятую старуху ходило множество слухов – как среди моих собратьев по несчастью, так и среди инквизитории.

Не ведая устали, первые перебивали ей косточки, рассказывая байки да небылицы, что чертознайка подалась в бесовы невесты, бросив курируемый ей род на произвол судьбы и на погибель.

Вторые подливали масла в огонь, но говорили совершенно о другом – кому-то нравилось верить, что Егоровна едва ли не на личных бесах верхом скакала с шашкой наголо и в атаку. Иные утешались тем, что строгая начальница сгинула в высоких кабинетах. В конце концов, с кого спрос за то, что вершится на улицах, как не с нее?

И я, признаться, также склонялся к последней версии. Инквизитории, может быть, и отвечали за последние веяния науки в стране, но сколько раз Егоровна успела саму себя скомпрометировать? И это если только подсчитать все те случаи, о которых я знаю.

Старуха была мрачна, как туча.

Я бросил взгляд ей на руки, словно в самом деле надеялся узреть на них стальные кандалы.

Егоровна ответила мне холодной улыбкой, словно говоря, что подобные мне не дождутся.

Я же лишь просто пожал плечами в ответ – в конце концов, какой сейчас с меня спрос?

Она была нетороплива, словно мать, вернувшаяся с родительского собрания. Шаги гулко отдавались в тишине, били набатом по ушам.

Остро сверкали пусть и подслеповатые, но внимательные глаза.

Мне вспомнилось, как, выбравшись из туннелей-под-мостом, не успев сменить одежд, я первым делом рванул к ней.

Ждал ареста, жаждал его, как ничего другого. Старуха же лишь выслушала меня с постойной миной. Словно подобные мне к ней в кабинет рвутся едва ли не каждый день, она их в дверь – они в окно...

Моя история от начала и до конца ее не впечатлила, скорее, напротив – нагнала зевоту с усталостью.

Словно самый распоследний стукач, я выдавал ей все, что наговорила мне Бися, но Егоровна даже не повела ухом. Я ждал, что она заставит демоницу явиться – в прошлые разы у нее получалось просто прекрасно, но старуха поленилась сделать даже это.

Велела мне лишь вымыться, привести себя в порядок и плотно поужинать. А после забыть обо всем, словно о страшном сне.

Интересно, что она думала о тех словах теперь? Все так же видела в них лишь взволнованную байку?

Егоровна продефилировала к столу, уселась напротив, запрокинула ногу на ногу.

От нее разило дорогим парфюмом и свежими красками – словно она только что ненароком оставила мольберт в соседней комнате, а сюда заглянула лишь по той причине, что заблудилась в поиска туалета.

Мне начинало отчаянно казаться, что так оно и было. Ни один из нас не решался нарушить повисшую слежавшуюся тишину. Глава инквизитории достала сигарету из кармана – словно только того и ждавший бесенок, невесть зачем оставшийся служить в лампе, кинулся к ней с жаром в ладонях.

Егоровна выпустила в него тугую струю дыма вместо благодарности. Странный малек, подумалось мне – все его сородичи, что постарше, скинули с себя людской гнет, а этому иного счастья нет, как на побегушках быть.

Или же, кольнула меня мысль, все-таки не все.

Помнится, я пытался об этом выпрашивать у других инквизиторииев – мои вопросы их несказанно бесили, а ответов я так и не получал.

– Ну здравствуй, Рысев, – проговорила она, продолжая рассматривать меня, словно диковинного жука.

Я не спешил отвечать – если уж столь важная птица сегодня решила спуститься к мелким сошкам типа меня, то это что-то да значит.

– Как тебе последние новости?

– Не читал.

– Ложь тебе всегда давалась хуже правды, мальчик. Что тому, чье тело ты теперь занимаешь, что тебе лично.

Я уставился прямо ей в глаза, откинулся на спинку сидения, рассмеялся.

– К чему все эти ваши фокусы? Томные взгляды, разговоры ни о чем? Полгода назад вы мечтали упечь меня в эти застенки и пытаться до тех пор, пока не издохну. Я ведь не первый в этих краях чужак, правда?

Егоровна по-старчески облизнула губы, что-то в моих словах ей не понравилось. Выдохнув, она взялась за папку. Один за другим передо мной ложились исписанные бисерным почерком листы. Фотографии парней и девушек.

– Познакомься, Рысев. Твои предшественники. Правда, забавные ребята?

– Не понимаю, о чем вы.

– Скоро поймешь. Смотри, какой гарный хлопец – Митрофанов Прошка Алексеевич. Крестьянский сын, попал к нам сюда лет за десять до твоего появления. По его собственным рассказам – фермер. Знаешь, как он умер? От кровопотери. Стоило ему выйти в поле, как он умудрялся вляпаться в неприятность. Продержался здесь целый месяц, Федя.

Старуха пододвинула ко мне фотографии двух девиц, меня же больше волновал несчастный Прошка. Выходит, попаданцы здесь не только в представителей благородных родов прыгали, случались и эксцессы.

– Ему повезло куда больше этих двоих. Хочешь знать их имена?

– Нет.

– Чудно. – Егоровна разве что не развела руками. – Их имена и в самом деле тебе ничего не скажут. Но одну из них задавила машина, как только она заняла чужое тело. Второй повезло – мир подарил ей целый день, прежде чем ее поймали ребята Старого Хвоста. Почему они выбрали в жертвы именно эту замарашку, так и не смогли объяснить. Наваждение – вот и весь сказ.

– Я все еще не понимаю...

Допрос с привычными вопросами вдруг показался мне не такой уж и скверной перспективой. Егоровне от меня требовалось совершенно иное. Ответы на вопросы? Какая банальность...

Старуха затянулась сигаретой поглубже, блаженно закрыла глаза. Казалось, будь у нее воля и возможности, она бы скурила и мое удивление.

– А чего здесь понимать, Федечка? – У нее вырвался грудной вздох. – Таких, как ты, мы отлавливали не развлечения ради, а сохранности для. Пользы в этом, конечно, ни на грош, однако... Неужели ты думал, что мы какая-то пыточная контора?

– Название у вас, – попытался оправдаться я, – довольно необычное. В моем родном мире ребята, зовущие себя точно так же, как и вы, любили развлекаться тем, что под вечерок палили ведьму-другую.

Мой ответ ее не удивил и даже не позабавил. Видимо, я не первый, кто ей про это говорил.

– И много же ты видел священных костров, чтобы сделать о нас точно такой же вывод?

– Вас боятся. Даже представители благородных родов готовы напороть полные портки, лишь бы не оказаться с вами в одной комнате. По мне, так лучшего показателя и не надо...

Она женственно, привычным движением, повела плечами.

– Твое право, Рысев. Не стану тебя переубеждать. Однако ты ведь догадываешься, что я приехала сюда не только ради того, чтобы показать тебе твой семейный фотоальбом?

Я пропустил ее укол мимо ушей, а она не стала играть на шутке слишком долго, продолжила.

– Ты читал новости. Знаешь, что происходит. Вся... почти вся страна охвачена адским пламенем и стоит на грани войны сразу с несколькими странами.

– По-моему, только турки барагозят, – сказал я и тут же прикусил язык.

– Это в эльфианских записках только они. Австрия и Германия готовят войска. Тот поганец, как там его звали, который пытался меря убить?

– Митек, – вспомнил я. А ведь за все это время так и не сумел выяснить, откуда знал его имя. Что-то подсказывало, что копать следует среди тех самых наемников, Уральцев, или как они там себя звали...

– Точно, именно он. Митек. Польша заявила нам за пару месяцев до этой дряни, что случилась, ноту протеста – оказывается, мирный купец Митек оказался лишь игрушкой в чужих руках, а то и вовсе случайной жертвой. Не знаю, до каких высот они разгонят эту байку, но к войне с нами они готовятся. С нами или с теми, кто останется после нас...

– Никого не останется. – Я покачал головой, начиная ощущать себя зловещим пророком. Сейчас, вот только зажмуру глаза и как начну вещать – хрен остановят.

– Верно. И они это тоже понимают. Видишь ли, Федя, сидящий в Германии канцлер не то чтобы правил страной всю свою жизнь. Он пришел к власти через восстание.

– И что? Какое это имеет отношение ко мне?

– А ты подумай, Федюнчик. Напряги единственную мыслительную извилину в голове, вдруг она тебе что-то подскажет.

Я закусил губу, коснулся ладонью лежащих передо мной фотографий и кратких досье.

Догадка спешила натянуть на мое лицо широту улыбки. Ну и идиотом же, наверно, я сейчас выглядел...

– Он что же, тоже из...

– Тоже из твоей породы, мальчик. Не бог весть какая важная информация – в конце концов, делать с ней нечего. Но вот у нас есть твои собраты, которые ничего не успевали сделать, а вот у нас есть ты. Скажи-ка, в той помойке, откуда ты родом, ты делал все то же самое?

Я замялся с ответом, она же приняла это за нерешительность, продолжила.

– Трахал девок не по дням, а по часам, и к тебе еще вереница очереди стояла? Вплетал себя в государственные заговоры, помогал спасти могучий артефакт? Что-то из того, что в этом мире стало для тебя обыденностью?

Я отрицательно покачал головой. Моя прошлая жизнь была не скучной, но уж точно не столь насыщенной.

– О том я и говорю. Мир сопротивляется таким, как ты, пришельцам. Пытается избавиться от вас как можно скорее – и, кажется, я начинаю понимать причины. Вы опасны, вы как вирус... может быть, не все, но кто возьмет на себя смелость проверять? Не знаю, мальчик, что такого особенного, но в тебе что-то есть.

– Это ведь вы заплатили тому эльфианцу и его шайке, правда?

– Незачем спрашивать то, на что знаешь ответ. Если ты хочешь от меня оправданий, мальчик, то у меня есть для тебя прекрасная дуля. Без масла, все, как ты любишь. Может быть, не будешь менять тему разговора, хорошо?

– Нет, я должен знать, – упрямо закачал головой ей в ответ. – У вас столько власти, что даже сейчас вы не в арестантских колодках, а сидите с важным видом напротив. Почему вы желали похитить меня тогда? Почему бросили свою затею потом?

Она запрокинула голову, затянулась еще раз, утопая в вечности вопроса: стою ли я вообще того, чтобы мне отвечать?

– Что ж, мне больше скрывать нечего, мальчик. Ты начал представлять интерес. Мир пытался тебя убить – и не раз. И ведь у него почти даже получилось это сделать дважды: то святой лев с чернил решит отведать твоей лодыжки, то шальная пуля... Так уж вышло, что мир начал привыкать к тебе, принимать за своего, не противиться твоим проказам, а то и потакать им. Понимаешь? Любопытно было оставить тебя под наблюдением, но не более того. Но давай все-таки кое-что проясним. После того что случилось в тоннелях – расскажи еще раз о том чем жил, чем дышал?

– Зачем вам? – удивился я. – Ваши подопечные записали и переписали не один десяток раз.

– И ничего не нашли. А знаешь, считай меня извращенкой, что обожает истории. В конце концов, разве тебе жалко, если старая женщина послушает твои байки?

Мне было не жалко, и я набрал побольше воздуха в грудь.

Рассказ предстоял долгий...

Глава 2

Лиллит дрожала. В последние дни она не отлежала от меня – вместо почившего в недрах подземелья Муни я стал ее любимой игрушкой. Она старалась держаться меня днем, в свободные часы, и уж точно не оставлять в одиночестве ночью. Сдавалось мне, что вопреки приказам и правилам офицерского корпуса она каким-то чудом умудряется подсматривать, что я делаю на уроках.

Оставалось только обреченно выдохнуть – найдя наивную до детской непосредственности девчонку в туннелях, я и не думал, что отыскал новую дьяволицу.

Словно желая заменить собой Биску, Лиллит готова была спать со мной в любое время дня и ночи.

И, в отличие от других девчонок, не желала скрывать своего необузданного влечения ко мне.

Сейчас она дрожала, переполненная наслаждением. Упругая, мягкая грудь манила взгляд и руки, но я уже почти что был лишен сил. Хотелось бесконечно спать и есть – и я даже не мог сказать, чего больше...

Ненасытившаяся, она все же будто прочла мои мысли, слезла с меня, лишь на миг оставив в покое.

Ей хотелось чем-нибудь занять руки. Например, поиграть с тем, что у меня между ног, словно готовя его к очередному заходу.

Да уж, мне-то она казалась стыдливой, невинной, бесконечно робкой.

Пепельноволосая девчонка разбивала все мои представления в пух и прах. За все те годы, что жизнь ее травила за мнимое проклятие, теперь она жаждала натрахаться всласть.

Сидящая внутри нее нимфоманка ликовала...

Она пыталась бороться со мной там, в подземелье, когда я взял ее на руки. Свиток, что оставила нам Биска, был немногословен – будто желая подчеркнуть дьявольскую суть прошлой хозяйки, он лишь обещал возвращение домой, но сколько и чего, а главное – кого при этом можно прихватить с собой, не давал прочесть даже ясночтением.

А возвращаться без Лиллит и Нэи мне было мерзко и противно. Не уверен был, что сумел бы за ними вернуться...

Маленькими кулачками Лиллит, впав в женскую истерику, молотила меня по груди, плечам и спине, пока попросту не выдохлась. Удары стали слабей и глуше, пока я не ощутил на себе лишь ее горячее, мерное дыхание. Вырывавшаяся в одночасье обратилась в сжимающую – словно ощутив крепость связывавших нас теперь уз, она не хотела меня отпускать от себя.

Свиток сработал как надо. Хлопок, темнота, краткий миг разросшихся до раскидистого кустарника сомнений...

Нас выкинуло прямо и к девчонкам – Биска не солгала хотя бы в этот раз.

С тех пор я не видел дьяволицу. Являвшаяся ко мне не по дням, а по часам, она исчезла из моей жизни как будто навсегда. И даже спешный поход к инквизиторам ничего не прояснил.

Мне лишь пожали плечами в ответ на всю рассказанную историю и велели жить дальше.

Жить дальше и не ведать забот.

Будешь тут не ведать забот, как же. Мир, переставший лохматить меня за чужеродность, с не менее дьявольской поспешностью напоминал о прежних долгах.

Орлов ждал дуэли. Изнеженный мальчик, сын судьи, привыкший к уступкам и вседозволенности, не желал прощать нанесенной обиды.

Наверняка, поганец, видел себя в благородных золотых лучах – ну как же! Все-таки дуэль не просто так, а по защите чести возлюбленной. Даже если мне удастся задать ему сегодня жару, то...

Стоп, сегодня?

От досады, что этот день наконец наступил, мне хотелось грызть локти.

Лиллит покинула постель, а я вдруг ощутил себя как будто голым и без одеяла. Ничего подобного с другими девчонками попросту не испытывал.

Она раскачивала бедрами, встала перед окном, блаженно потянулась, словно радующаяся свежим солнечным лучам кошка. Как будто ей в самом деле жаждалось показать всем и сразу утонченность и красоту ее обнаженной фигурки.

Солнце было с ней солидарно, утренним полумраком подчеркивая притягательность женственных изгибов и ложбинок.

– Сегодня дуэль, ты помнишь?

Она помнила, кивнула мне в ответ, не желая тратить лишних слов.

Мне казалось, что, завидев своего будущего противника, она сожмется в комочек и притворится мертвой. Бугай-костолом, который если и не мечтал кому-нибудь дать в морду, то точно думал об этом, даже у меня вызывал опасения.

И у Николаевича то же. Старик, едва я привел к нему девчонку, дабы подтвердить кровнорожденность подручной, после осмотра велел ей выйти. Наедине задал мне вопрос, уверен ли я в том, что эта хрупкая невинность сможет противостоять грубой мощи на офицерском сражении. Я не знал, но зерно здорового сомнения зародилось в мыслях.

Как и постыдное желание примириться.

Вся моя натура противилась последнему – примириться. Вот так пойти с повинной головой и сказать – что?

В самом деле, я не знал, что следовало говорить. Схватиться на клинках – это мы запросто. Кирпичом об голову и коленом в живот – да хоть сейчас! А вот найти подходящие слова после всего того, что было...

Прав Кондратьич, стократно прав. Буду теперь твердить себе об этом до конца жизни. Воспоминание о старике отозвалось горечью – мой мастер-слуга так и не пришел в себя. Менделеева сказала, что смогла стабилизировать его состояние, вот только стабильно плохо – это все еще охренеть как нехорошо.

Ходил к нему вчера, сидел у больничной койки. Врач давался диву – на его памяти представители благородных родов крайне редко проявляли столь трогательную заботу о своих слугах.

Я совал ему деньги без счета, а он больше не задавал лишних вопросов.

– Неужели тебе не страшно? Ты его подручного видела?

Она вновь вместо ответа попросту кивнула. В ее глазах было нечто жуткое: словно ей было не просто все равно.

Она жаждала, чтобы он напротив – был еще больше и монструозней.

Офицерский корпус застыл в предвкушении с самого утра. Словно все иные развлечения канули в лету, будущая опора страны с нетерпением, едва ли не потирая ручки, ожидала того, что случится ровным счетом после обеда.

Меня с ног до головы окутало сладкое, нагоняющее жуть волнение. Вдруг проиграю? Что будет, если выиграю?

Дельвиг с Женькой только подливали масла в огонь. Толстяк готов был то грызть собственные ногти, то слагать балладолегенды о предстоящем сражении. Женька, словно пронырливый лис, был повсюду и по секрету шепнул, что среди дружков Орлова ходит слух.

Поганец хочет меня покалечить.

Оставить такую отметину, чтобы я помнил о унижении всю жизнь.

Мне хотелось смеяться – мышьяная возня. Знал бы этот мальчишка, чего мне только не пришлось переделать за последние недели, поубавил бы в уверенности.

Впрочем, коней самоуверенности я попридержал и сам. Кто его знает, на что он там еще помимо того, что выудило из него ясночтение, умеет? И даже если новых трюков при нем не будет, исход еще не обязательно сложится в мою пользу.

В столовой было тихо, а завтрак не лез в глотку. С Орловым я старался не пересекаться – ни взглядом, ни просто так. Пусть уж лучше все разногласия меж нами решит поединок.

Я катал на языке слово «дуэль», словно тая надежду, что оно вот-вот изменит собственное значение. Стало смешно: столько раз я рисковал шкурой, с кем только не боролся – а сейчас вдруг страшно?

Орлову тоже было не по себе – он-то как раз помнил, чем все закончилось в «Театре»: пока он охранял свою разлюбезнейшую Наташу Евсееву – интересно, в курсе ли она о судьбе родной сестрицы? – я давал лещей не в меру богатому воображению одного художника, а потом уговаривал поэтическое воплощение прекратить устроенный треш-угар-и-содомию.

Лиллит он уже видел: было бы странно, если бы не заметил вертящуюся рядом со мной девчонку, которой выписали пропуск в училище, наделив правом спать и столоваться во время для подручных.

Мне думалось, что он осыплет меня градом насмешек в привычной ему манере, но то ли мальчишка перерос, то ли не желал обжечься на мне в очередной раз...

После занятий нас окружили – традиции, записанные в уставе, предполагали, что дуэлянты в сопровождении иных кадетов должны проследовать к месту будущего сражения.

Мальчишки!

Я видел, как в их глазах горел азарт: каждый как будто желал лично принять участие в чем-то подобном. Ну как же – отстоять честь, начистить морду нахалу, показать, кто где прав и у кого забаха в штанах потолще.

Слухи ползли за нами следом, словно ворох змей. Кто-то приписывал шагающей рядом со мной Лиллит мистику способностей. Что она едва ли не в состоянии менять мир под свои хотелки, если уж сильно приспичит – иначе почему она смотрит на сопровождающего Орлова здоровяка так, будто он ничтожный, чудом избежавший ее тапка таракан?

За весь прошедший месяц в офицерском корпусе случилось чудо – поцапаться решили только мы с Орловым. А среди остальных царили тишь, благодать и полное понимание.

Я представлял себе все иначе. Мне думалось, что дуэль – это нечто личное, не положенное для чужих глаз. Благородные роды Петербурга считали иначе. Вместо маленькой, узкой комнатухи – просторный зал. Сюда можно было вместить целую прорву людей.

Кресла зрителей алели обшивкой кожи, манили к себе взор, призывали скорее в них расположиться.

Я озираясь, словно ошалелый: а как же полномасштабное сражение, а как же магия? Мне чудилось, что, стиснув зубы от остервенения, мы будем жарить друг дружку огнем, хлестать эфемерными плетью цепей и взывать к дьявольским силам.

К слову о последних – сейчас был день. После изгнания внутреннего демона я утратил возможность использовать весь богатый арсенал уже разученных умений до наступления темноты.

Оставалось лишь надеяться на то, чем одарила меня Лиллит. От нее мне тоже перепало щедро и немало, но что-то сдавалось мне, на фоне умений костолома моего соперника это будет блекло.

Как и на фоне того, что умел сам Орлов.

Он хрустел костяшками, опраивая форму, всем своим видом напоминая готовящегося к драке школьного хулигана. Нет-нет, да его взгляд падал на меня, а на лице тут же проскакивала самодовольная ухмылка.

Как же он обожал елей своих влажных фантазий, и сколько же мечтал отомстить мне: и за мои же успехи, и за его промахи. Словно во всех его бедах виновным оказался именно я.

От меня секундантом был Женька – Дельвиг, конечно, красноречив, но стоит ему только появиться на публике, как он начнет задыхаться от смущения.

Со стороны Орлова был тот самый здоровяк, с которым мы виделись тогда в сортире. Помню, мне хорошенько удалось ему тогда наподдать...

– Не желают ли стороны примириться? – Женька был холоден, строг и отрешен, как того и требовала традиция. Вопрос был обращен сразу к обоим и требовал ответа.

Глас совести, избравший облик Кондратьича, убеждал в том, что вот он, тот самый шанс. Откажись, повинись и, может быть...

– Нет! – чуть ли не рывкнул Орлов. В самом-то деле, он ждал этого едва ли не целую вечность. Клятый Рысев то ребра никак не вылечит, то практику сдает со своей невесть откуда выкопанной подопечной.

Я ответил под стать ему, но тише и спокойней. Взял за руку Лиллит, будто давая ей понять, что рядом и не дам ее в обиду. Взгляд, полный благодарности, стал мне наградой.

Николаевич хромал к нам весело и торжественно – на его-то памяти эта дуэль не первая. Скорее всего, он и сам не раз принимал участие в этих юношеских забавах – и чести ради, и так...

Он осмотрел нас с ног до головы, будто решая, готовы мы или нет. Я, признаться по чести, от его взгляда покрылся холодной испариной, с Орловым та же история. Словно в последней попытке нас образумить, из его глаз взидала сама война. Как будто желая сказать, что худой мир в разы лучшей доброй ссоры, но ничего не добился.

реалистичным сном. Не пугайтесь, господа: на настоящей войне вас будут ждать все та же кровь, смерть и трупный смрад.

Он набрал побольше воздуха в грудь, продолжив разъяснение:

– Правилами предписывается, что вы можете управлять всеми доступными вам подручными, какие только у вас есть, но не больше, чем у соперника. В конце концов, разговор идет о чести. А истинный офицер хорош как в управлении целой армией, так и в точечных операциях.

Это все, конечно, хорошо звучало, но, насколько я понял, мы с Орловым сейчас будем друг с дружкой наперегонки брать нахрен не впившуюся высоту. Но если все так шоколадно звучало, то о каком кровопролитии инфантер-генерал говорил еще в самом начале?

Будто бы в него вселилась Биска и поделилась умением читать мысли, он поспешил прояснить и этот момент.

– Настанет переломный миг вашей дуэли, и, может статься, вы пересечетесь. Тогда вам дозволяется мешать друг дружке вплоть до полноценной схватки. Но не забывайте, что вы на войне, а рядом с вами – солдаты. Решайте, когда, что и в какой момент сделать. Проигравшим будет считаться тот, кто первым признает поражение. Вопросы, молодые люди?

– У меня есть вопрос, – наконец, подал голос Орлов, чуть задрав нос.

– Что будет, если ни один из нас не сумеет провести войска к победе? Или оба мы не сумеем добраться не то что до того самого переломного момента, а попросту сгинем под натиском фантомов?

– Интересный вопрос, юноша. – Николаевич как будто бы был рад, что хоть кто-то, а спросил его об этом. – В данном случае вы оба будете считаться поверженными, конечно. И опозоренными.

– Опозоренными? – Мажорчик тут же прищурился. Он как будто не догадывался о таком исходе. – На каком основании?

Николаевич лишь ухмыльнулся в свои до бесконечного пышные усы.

– На основании того, что вражда не позволила вам отринуть прежние распри и достичь цели, конечно же. Разве, вернувшись на родину после такого конфуза, о вашем поражении не поползут слухи? Разве вас сможет простить солдат, погибший не потому, что враг был силен, а потому, что вам жаждалось вцепиться в глотки друг дружке? Голубчик, это вы ведь запросили дуэль, должны были бы знать о последствиях, верно?

Орлов решил, что может ничего не отвечать. Закончив с объяснениями, Николаевич вытянулся во весь рост. Зашуршали раздвигаемые шторы кулис. Перед глазами явилась мутная рябь, за гранью которой властвовала пустота. Портал, разинувший перед нами свой зев, только и жаждал, когда мы осмелимся сделать первый шаг.

– Прошу, господа.

Орлов, будто желая быть первым хоть в чем-то, рванул внутрь без раздумий – странная волшба приняла его не сразу, а поначалу и вовсе попыталась оттолкнуть. Костолом рванул за своим офицером, не ведая иной судьбы, кроме служения.

Старик окинул меня взглядом, а я понял, что нерешительность сейчас будет смотреться в десятки раз хуже, чем трусость. В пару больших, уверенных шагов я достиг того же, что и мой оппонент.

Нечто объяло нас мглой...

Глава 3

Схватка встретила нас всеоглушающим взрывом – жажнуло так, что заложило уши.

Не ведая пощады к самим себе, спотыкаясь и мешая друг дружке, цветасто разодетые солдаты бросились в самоубийственную атаку.

Картечь рванула где-то неподалеку, посекала с два десятка несчастных – разорванные в клочья крошечном осколков те падали замертво.

Лиллит сидела на корточках, закрыв голову руками, а я начал понимать, о чем говорил мне Николаевич. Хрупкая невинность никуда не делась из девчонки, просто успешно натянула на себя маску безразличия.

Дым и ветер войны вмиг унесли маску прочь, оставив ее один на один со страхами.

Я схватил ее за руку, рывком поставил на ноги – ну уж нет, дорогуша, в этом Аду ты не одна, мы с тобой в одной упряжке.

Она скользнула по мне взглядом и кивнула. Первый страх, отчаянно скакавший по нашим душам, сгинул прочь, умчался искать добычу поговорчивей.

Где-то вдалеке, сквозь марево дыма, виднелись башни и бойницы Армарской крепости. Казалось, отсюда можно рассмотреть даже точеные стволы пушек, жадно поглядывающие в нашу сторону.

– Ваше благородье! – Боец нарисовался чуть ли не из воздуха. Красный мундир, какая-то плотная белая полоса перетянута через плечо. За спиной – винтовка, на голове незнамо что.

– Ваше благородье! – повторил он и клацнул сапогами по земле.

– Вольно, – отозвался я. Он шлепнул ладонью, отдавая честь, и спешно потянулся к походной сумке. Я едва справился с обуявшим меня любопытством – так и тянуло заглянуть внутрь.

Он тотчас же вручил мне истерзанный временем лист карты.

– Крепко нас сегодня басурман-то прижал, ваше благородье! Говорят, у них там башня посередь поля крепостная возведена – наши пушки-то до нее не достреливают, а они по нам с нее лупят так, что чертям завидно. Башню командующий велел вам доверить, значит. Иско там мажя рожа в ближайшем лесочке всякую мандятину на нас наколдовывает, задом его к переду. Наши солдатушки вам и спасибо скажут, и в ножки, стало быть, поклонятся, коли вражину-то одолеете.

Лог, словно старательная девочка-секретарь, наяривал все в себя, дабы мне не держать в голове. И буквами золотистыми про основное задание упомянул, и условия через черточку перечислил.

– А что же, братец, с войсками? – не преминул поинтересоваться я. А то чудилось мне, насыплют сейчас со всех щелей как в шутере, и драконов ножами сбивать заставят. На кой ляд тогда будут нужны все остальные...

– Так что ж армия-то, ваше благородье? Мало нас осталось – вот-вот, говорят, отступление трубить начнут. Вы всяко наша надежда последняя, а мы уж стоять будем, пока порох в пороховницах сыплется, вот.

Приплыли, подумалось. Николаевич ведь неспроста распинался про условия поражения и позор, что тенью ляжет на обоих. Какие он последствия за собой тащит, я не знал, но выражение лица Орлова, сменившееся на мрачное еще до начала, явно говорило, что хорошего ждать не стоит.

По правую от меня сторону затрубил рог. Солдат задумчиво почесал затылок.

– Эка! Ваш товарищ-то, гляжу, времени зря не теряет – в атаку скомандовал идтить. Вам бы тоже того самого – не медлить.

Моих глаз тут же коснулась цифра, висящая едва ли не над полем боя – уж не знаю, проказы ли это ясночтения, или мой соперник видел ее тоже, но она указывала на количество оставшихся в нашем распоряжении солдат.

Внушительная цифра спешно таяла после очередного залпа картечи – чужая, фантомная смерть улыбалась нам будущим позором.

Руку обожгло – на коже тотчас же проявилась царапина, заалела кровь, полоска здоровья отреагировала.

– Врача вам надоть, ваше благородье. Да чего его искать? Вот же и он!

Медик был безлик, как и все остальные. Сумка, невзрачный вид, угловатые черты лица. В оружие он выбрал себе легкий карабин.

У меня самого при себе был лишь офицерский кортик – точно такой же, каким орудовал Кондратыч. Словно прочитав класс девчонки, Лиллит снарядили перевязью соломенных, будто еще вчера их клепали девочки-селянки, кукол.

Страшно даже стало представить, чего там выдали костолому Орлова. Молот поперек себя шире?

Магия исцеления коснулась меня мягко, словно полуденная роса, и свежая рана тотчас же затянулась. Медик – как будто прощальный подарок Николаевича нам обоим.

– Он и подлечит вас в случае чего, и спину прикроет: надежный парень, как ни глянь. Токмо берегите его – медики-то у нас тут на вес золота, ага. Он ведь не только лечить – он еще всяки каверзы помечать может. Вот увидите вы капкан какой вражеский, скажете ему – он его и пометит для остальных. Солдатушки-то вам за такое и спасибо, и в ножки поклоняются...

Словно в доказательство его слов, со стороны Орлова рванул магический вихрь – устремившийся раньше остальных в атаку, он пренебрег подлостью врага.

Зря.

– Ваше благородье, стоять-то потом будем. Братца нашего басурман жмет – вы б с суседа-то вашего пример брали. Рог-то вон трубите, пока совсем не поздно стало.

Все его реплики заведомо прописаны, понял я. Представить, что рядовой указывает, что делать офицеру, было почти что невозможно.

Словно только сейчас вспомнив, солдат вдруг протянул мне перевязанную котомку, сказал, что на дорожку.

Лишних объяснений не требовалось – все было едва ли не как в лучших домах Лондона! Пятерка поджигательных гранат блестела чугуном корпуса, храня в себе немалый пороховой заряд. Червяки бикфордовых шнуров только и ждали, когда им подарят возможность блеснуть во всей красе. Хрусталь отваги обещал вырвать из поля боя двадцатку солдат, готовых выполнить любой самоубийственный приказ.

Кивнул ему в ответ вместо благодарности. Сам-то я бы не отказался от какой-нибудь игрушки вроде хорошего револьвера, но уж что есть, то есть. Орлов там, авось, тоже не с миниганом скачет.

Мой рог издал утробный, оглушающий рев – будто ото сна пробудился недоспавший дракон. Злым эхом рев прокатился по стройным рядам солдат. Лавиной они хлынули в атаку, нагоняя своих братьев по правому флангу. Хлопнули ружья, злые бесы пуль скашивали остатки нашей армии беспощадно.

Башня была обозначена на карте точкой. Ясночтение зашепило забить ее в подкорку мозга, чтобы всякий раз не лезть в походную сумку.

Мне оставалось только икнуть от удивления, как только мы выкатились на поле боя. И почему только Рысев-старший выбрал стезю шпиона-дипломата, а обошел стороной военную карьеру?

Мой дар теперь решил проявить себя во всей красе.

Словно провидец из греческих мифов, он спешил указать, куда летит картечный снаряд, где вот-вот ухнет пушечное ядро, а где затаилась колдовская ловушка.

Медик тут же исполнил отданный мной приказ: магическая ловушка была помечена. Несущийся прямо в нее отряд тотчас же изменил направление.

Турки были неподалеку. Стоя напротив нас, потомки янычар потрясали винтовками. Первый залп ударил по ушам, съев три десятка солдат. Спешащие на смену отстрелявшимся бойцы немедля грянули вторым залпом.

Третьему случится было не дано – отвага, удержавшая моих бойцов на ногах, не давшая им струсить в самый последний момент, теперь заставила войско вклиниться в ряды противников.

Азарт и горячка боя манили меня принять участие в случившейся стачке. «Наших бьют!» – кричало все нутро, заставляя проснуться, но я не спешил.

– За мной!

Мы с Лиллит нырнули в лесополосу поблизости. У этой модели сражения наверняка были края, за которые не выйти, но лес легко встретил нас, пуская внутрь. Медик, разрывавшийся между долгом и приказом, рвущийся помочь раненым, семенил за нами следом.

Я пылесосил карту взглядом – подозрения вызывал расположившийся у самого края враг. Имей я хоть немного мозгов на месте турков, так в обязательном порядке бы воткнул туда засадный полк.

Меня, будто на привязи, тащила за собой интуиция – и не подвела!

Турки прятались у деревьев, с мгновения на мгновение ожидая приказа выскочить в атаку. Их роль мне открылась сразу же, едва я увидел численность. Ясночтение решило, что их здесь не меньше трех сотен, а у меня не было никаких причин ему не доверять.

Орава будто говорила мне – ну и что же ты теперь сделаешь, офицер?

Здравый смысл ратовал оставить пометку медиком – пусть наши знают, что им готовят удар в спину. Уверен, со стороны Орлова так же где-то был припрятан не менее подлый сюрприз.

«Предупреди и уходи», – сказал я самому себе. Сюда ринется запасной отряд и...

И атака увязнет, подсказал мне опыт игры в стратегии. Это там, сидя за компом, можно покликать мышкой, и казармы разродятся еще десятком свежих отрядов. Здесь же войска имели чудодейственную, свойственную реальной жизни особенность не прибавляться, а таять пломбиром на солнце.

Глаз тут же зацепился за бочки. Порох, подсказало ясночтение, да я догадался и без него.

– Мы что, пойдем туда? – Лиллит подала голос. Мне слышалось в нем больше любопытства, чем испуга. Девчонка поскорее загнала страх куда подальше. Это всего лишь игра, читалось в ее глазах – и, наверное, сейчас это самое здоровое отношение к происходящему.

Чего ей, в самом деле, позора бояться?

Готовая ко всему, она стиснула одну из соломенных куколок: вот бы там, в подземелье, она была столь же отважна и самоотверженна.

Медик молчал – ну да и что, в самом деле, мог мне высказать неживой фантом?

Требовался план. Рвануть на три сотни человек с одним лишь кортиком и умениями куколовода? Нет, конечно, при грамотном подходе, можно было помереть даже с умом, да только у нас сегодня задача не наколоться на сто дурных, а с почестями выжить.

– Бочки, видишь? Если мы сумеем их поджечь, это явно и нанесет урон, и предупредит наших бойцов о том, где укрылся противник.

Лиллит смотрела на потомков янычар не без любопытства. В детстве ее наверняка пугали тем, что ее, проклятую, турки утащат в свои гаремы. Ей расписывали их как чудовищ, и, надо отметить, выглядели они и в самом деле подобающим образом.

В мире, где магия и родовые дары очень сильно изменили реальность, турки предпочли нацепить на себя дьявольские рога. Вместо ботинок – копытоподобные сабоны. Острозаточенное оружие чернело узором нанесенного на сталь рисунка. Привычные моему взору ятаганы имели странный зубастый вид.

Словно они не оружие, а ухмылка самого Сатаны.

Девчонка облизнула губы, у нее вспотели ладошки – нервная дрожь пробежала по ее телу, заставила их вытереть о штанины.

– Я могу заставить кого-то из них поджечь бочки – они и не почувствуют.

Я хмыкнул ее догадливости и наивности одновременно.

– Почувствуют. Видишь вон того, с палкой? Это маг, и я больше чем уверен, что он с ними не один. Всяко заподозрит.

– Тогда как?

Я выдохнул ей в ответ. Предлагать свершить подвиг – это еще не значит знать, как его свершить.

Голова, не ведая устали, клепала один безумный план за другим. Прорваться под прикрытием кустов, зажечь и....

И попасться еще до того, как сделаешь несколько шагов – что-то мне подсказывало, что фантомы вовсе не обладают той самой слепотой, как иные их представители в стелс-миссиях.

Логика ненавязчиво подсказывала, что если они тут стоят, то с ними можно что-то сделать: кто станет вставлять в подобное дуэльное сражение нечто, с чем нельзя взаимодействовать? Да и на обучении это явно плохо бы сказалось.

Будь с нами Майка – и проблем попросту бы не было, подумалось мне. Я тут же прикусил язык – засадный полк, конечно, засадный, но явно не мечтал быть уничтоженным. Ясночтение запоздало выловило чароплетскую сеть, которую стискивали в руках странного вида неясные очертания.

Черти, подумалось мне. Не наши, басурманские – эти точно на контакт не пойдут. В любом случае не пойдут, они ж не живые...

– Пометить? – тихо и хрипло поинтересовался медик, вопрошая про ловушку – я лишь покачал головой ему в ответ.

Черти обещали заловить всякого, кто только сунется в эту западню, да перекрыть поток выхода маны – сиди себе в этом мешке да колдуй. Без возможности выхода что проклятия, что атакующие заклинания и даже родовые умения будут отражены на самого применившего и тех, кто оказался в этой западне.

Нам бы так, с горечью подумалось мне.

Счетчик пока что еще живых душ нещадно торопил, стремясь к нулю. Словно того было мало, лог тут же решил меня «обработать».

Ваш соперник только что захватил хрустальную пушку. Поторапливайтесь!

Спешу, не ведая преград. Бросать за спиной отряд, который ударит в самый неподходящий момент, было страшно и опасно.

– Ну? – Лиллит едва ли не горела от нетерпения. Нас касались звуки недалекого боя, звон мечей словно дурманил забыть обо всем и броситься в самоубийственной атаке прямо на редут.

Я покачал головой, прогоняя злое наваждение.

– Создай... двух кукол, пусть мчатся прямо вон туда.

Я намеренно указал на сеть-ловушку. Словно застыв в ожидании нашей глупости, турецкие черти переглядывались между собой, как будто так и вопрошая: ну, когда же они? Когда?

Мой план оказался прост, как три копейки, а Лиллит не стала спорить. Вот что мне в ней нравилось – в отличие от непослушности и самовольства Биски, пепельноволосая кукловод не имела привычки спорить по пустякам.

Сказано – сделано.

Соломенные куклы разрослись в пять раз, став похожими на нелепо перебирающих лапками карликов. Словно ошалелые, у всех на виду, они отчаянно рванули в поджидавшую их ловушку.

Турецкая брань всполошившихся солдат коснулась наших ушей.

Порождения врожденного дара Лиллит тотчас же, вопреки окрикам турецкого чародея, пытавшегося остановить свою бестолковую нечисть, схлопнулись. Тиски чаровских сетей стянулись, сжимаясь меж собой и перемалывая пустышек в ничто.

А вот теперь уже настала наша очередь.

Медик, повинуясь моему приказу открыл огонь – винтовка в его руках плюнула заклинанием. Ледяная волна, заволакивая пригорок снегом, проливалила стекло льда под ноги потомков янычар – земля вдруг стала слишком скользкой.

В школе у меня была пятерка по физкультуре, и первым я метнул булыжник, памятуя о сработавшем с наемниками приеме.

Сработало тогда, сработало и сейчас – ближайшие от меня бойцы, ожидая скорого разрыва, рухнули наземь.

Ко вторым в отчаянном броске рванулась выданная мне тем солдатиком граната. Зло шипя, испуская искры огня, она вертелась. Дымил бикфордов шнур.

Взрыв ухнул, скосив уставших ждать его турок: несчастные, посеченные осколками, словно оловянные солдатики, валились наземь.

Маг успел закрыться чародейским щитом – град осколков бестолково долбил о выставленный им заслон.

Я моргнул, позволив себе право смотреть на мир эфемерным зрением. Любовь, ненависть, неизбывный ужас вперемешку с отчаянной трусостью – фантомы успешно воплощали в себе пусть и не до конца человеческие, грубо ограниченные, но эмоции.

С клинком наголо я выбрал ту нить, что бежала от чародея, рванул к нему сквозь пространство.

Вынырнул я дальше, чем мне хотелось бы, чуть не угодил во вторую, скрытую за густой листвой на земле ловушку. Турецкие кривохвосты разве что не завывали с досады, солдаты же никак не ожидали моего появления.

Не ожидали, но были готовы стрелять на поражение. Первичное ошеломление шустро сменилось уверенностью, и с десятков стволов вмиг уставилось в мою сторону, прежде чем грянул залп.

Я рванул за нить еще раз, теперь уже юркнув совсем в другом направлении – маг успел за этот миг разве что только развернуться, беспомощно выставив перед собой руку.

Инстинкт самосохранения успел выжать из его маны последнее заклинание, а я помог ему родиться – огненный вихрь разразился мгновением позже, прежде чем чародея изрешетили его же солдаты.

Пламя рвануло повсюду – до чего только могло дотянуться. Густой черный дым повалил в небо, быстро, словно наперегонки со мной, запылала трава.

Лиллит не сидела без дела – словно научившись у меня, она вселяла в души врагов отчаяние вперемешку с диким равнодушием – еще пару мгновений назад горевшие огнем ярости бойцы теперь жаждали не мести за павших собратьев, а только того, чтобы их оставили в покое.

Не сумев выдержать ее напора, они падали наземь, хватаясь за голову. Лиллит тотчас же удостоилась моего одобрительного взгляда – а я ведь даже и не знал, что она так умеет.

Застывшая посреди пожарища, будто только и ожидая чужой пули, она тоже как будто не ведала об этом.

Транс, понял я, и рванул к ней. Дело было почти сделано, можно уходить. Три сотни бойцов поредели слабо, но уже были обнаружены, а огонь бежал к пороховым запасам.

Паника сделала свое дело – вместо того чтобы бежать, засадный полк замешкался в ожидании приказов, но их не поступало: видимо, убитый чародей был важной шишкой.

В последний миг я успел к Лиллит. Сбил ее с ног, навалился сверху, закрывая собой. Сейчас, подсказывало нутро, будет крайне жарко...

Грянувший взрыв был оглушающим – казалось, что у меня лопнули барабанные перепонки. Наверно, будь мы не в симуляции, а на реальном поле боя, точно так бы оно и случилось.

Вами получено 300 очков престижа за уничтожение вражеской засады! – Лог обнаглел и заленился, буквы возникали едва ли не у меня перед глазами. – Продолжайте в том же духе, родина гордится вами!

Кроме престижа, который, как и самовыражение, ни в один карман не влезает, мне с гордым видом презентовали дулю. Система, или что за хрень правила балом в этом мире, решила, что учебный бой так зовется красивого слова ради, а потому сыпать опыт за убитых ничего не намерена.

Я пожал плечами – ну не хочет, так не очень-то и хотелось!

Медик корпел над нами целебным чародейством не покладая рук – одно заклинание за другим спешило поправить наши невесты от чего пострадавшие полоски здоровья.

Воздух вдали разрезало свистом. Словно по команде, мы обернулись – ярко-алый луч, устремившись в небеса, с облаков беспощадной мощью обрушился на ту самую пресловутую башню.

Ваш соперник атаковал башню и готовится к прорыву. Потарапливайтесь!

Я лишь грязно выругался в ответ...

Глава 4

К тому моменту, как мы покинули лес, башня представляла собой изрядно излохмаченное зрелище.

Твердь камня хрустнула под невероятным напором хрустальной пушки, обращая ее в хрупкое стекло. Стрелки, еще недавно властвовавшие над полем боя, вселявшие смерть и ужас каждым залпом, словно мешки с картошкой, валялись наземь. Верхушка некогда мощного сооружения была отдана огню на расправу – кто бы мог подумать, что камень в состоянии гореть?

Выжившие огрызались чем могли и как умели, но уже в десятки раз слабее прежнего.

Мне почти так и виделось, как Орлов смотрит на меня с моей же убогой трехсоткой и давит поселившуюся внутри надменную ухмылку.

Войска по правому флангу с победным ревом ринулись в атаку. Громогласное ура, словно вырвавшееся из фильмов про войну, норовило обратить в бегство чудом уцелевшие отряды потомков янычар.

Турки, еще недавно жавшие атаку по всем фронтам, обещая в скором времени ухнуть из обороны в контрнаступление, сломались.

Я что было мочи рванул к развалинам башни – может быть, сама она и утратила былой блеск и силу, но представлять опасность не перестала.

Защитники укрепления встали перед нами стеной, вклинились в наши ряды и навязали бой.

Выскочивший прямо передо мной турок замахнулся ятаганом, но я оказался шустрее – вспорол ему брюхо от самого живота и до шеи. Пинком толкнул его в грудь подступающих вражеских пехотинцев. Медик, словно жутко молчаливое воплощение Кондратьича, загонял в винтовку один патрон за другим. Боевым магом он высекал заклинания. И почему только ничего подобного Кондратьич не догадался взять с собой туда, в туннели? Там бы такая штука пригодилась как никогда кстати.

Правый фланг рвал и метал. Единым потоком людей он вклинился в остатки вражеской пехоты, сметая ее на корню. Слабое сопротивление стражей врат было подавлено меньше чем

за секунду – в самом деле, на что надеялись те два олуха, тупо уставившиеся на несущуюся прямо на них волну?

Ворота распахнулись еще до того, как кто-то успел поднести к ним взрывчатку – толщ дерева обрушилась на еще только готовящихся заряд саперов. Армия, неведь откуда взявшаяся, хлынула на нас, стылой водой вмешалась в жар нашей атаки.

И тут я увидел его.

Костолом Орлова был прекрасен в своем величии. Обнаженный по пояс, презревший броню как класс, он вырвался едва ли не из-под земли, раскидывая выживших защитников башни, словно кегли. Голый торс блестел от пота, на могучем теле играли и лоснились круглые, покатые мышцы – ему не хватало разве что солнечных очков на носу.

Право зваться костоломом он отрабатывал на все сто – ломал шеи туркам, словно куропаткам. Могучими ударами сотрясал землю, вырывая равновесие прямо из-под ног противника. Могучие прыжки с молодецким уханьем всегда заканчивались тем, что свою жизнь под его ботинками кончали несколько солдат. Не давая в ужасе бежать их собратьям, словно вшивых котов, он ловил их за шкуру, ломал о колено. Грохот боя то и дело прерывался мерзкими хрустом и хлопанием.

Орлов не давал усомниться и в своих способностях. Мажорчик, не так уж и редко лажавший на глазах у остальных, получил свои пять минут славы. Будь здесь девчонки, они визжали бы от радости. Красные, невероятных размеров звенья цепи простирались из его рук. Он вертелся веретеном, обращаясь в воистину вихрь смерти, размалывая всякого, кому не посчастливилось оказаться на его пути.

Чародейские кандалы опутывали собой потомков янычар горстями. Словно жуткий судья, Орлов был верен заветам своего отца и безжалостно выносил им один кровавый приговор за другим.

Мы с Лиллит переглянулись: противники и в самом деле были не лыком шиты. Не полагаясь на одну лишь магию, Орлов крошил подступающих к нему турков офицерским кортиком: тот жалил, словно взбешенная пчела.

Позади них был точно такой же медик, как и у нас, но прихрамывал на обе ноги. То ли умел лечить только остальных, то ли в этом был какой-то особый сакральный смысл.

Я глянул на нашего работника отхила и оживления и лишь покачал головой. В данной истории он непись – видит во мне союзника, в турках врага, а что там до других игроков на этом поле боя, так они его попросту не касаются.

Остановившись лишь на миг, переводя дух, сделав морду посерьезней, мажорчик будто отринул все прежние детские глупости. Чувство войны захватило его с головой, не выпуская из плена горячки боя. Ему жаждалось не крови и чужой смерти. Ему хотелось победы – он словно видел ее перед собой как нечто, чего можно коснуться руками.

Командирским, не хуже, чем у Николаевича, голосом, не дрогнув, он выкрикивал одну жизнеутверждающую тираду за другой – славословия русскому оружию лились с его уст, словно мед.

Прокачанное лидерство помогло ему впихнуть в души окружавших нас солдат уверенность, стерло хоть какие-то намеки на трусость. Вот, значит, откуда и почему все время слышались эти громогласные «ура».

– Рысев, – не заметить меня он попросту не мог. Усмехнулся мне, словно старому другу, в глубине глаз сверкнул озорной, недобрый огонек. – Я все думал, когда же твоя мерзкая рожа соизволит показаться здесь? Пока я прорывался с боями сюда, ты почивал на лаврах и ждал, когда выпадет шанс, чтобы взять меня готовенького, победить уставшего?

Оправдываться я не собирался, да и, в конце концов, паскудник как минимум не знал, что я спас нашу же армию от происков засадного полка. Не слышал, что ли, взрыва?

– Ну тогда давай.

Он широко расставил руки, разом обращаясь в доступную для всех мишень. Турки метили в него – я это знал, но пули лишь дробью колотили гранит стен, беспощадно вгрызаясь в остатки некогда величественной башни. Он махнул рукой – цепь, словно плеть, мазнула по стрелкам, сбивая их головы. Безумная улыбка пробежала по лицу Орлова.

Мальчишка словно желал показать мне, на что способен. Звериная жестокость, с которой он расправлялся с врагами, должна была стать для меня предупреждением. Он словно пытался сказать, чтобы я развернулся и трусливо показал тылы.

Даже если так сделаю, понял я, он атакует. Ударит в спину убегающему и не постесняется потом обвинить меня в трусости.

Покалечит, вспомнилось мне предупреждение Женьки.

Сломает спину – что будешь делать тогда, вопрошала взбешенная, узнавшая о скорой дуэли Майка?

В голову лезла всякая глупость. Чушь, бред, чепуха.

– Что же ты стоишь. Рысев? Оробел? Ты был столь отчаянно отважен в последние дни, правда? Словно в тебя вселились бесы, из мелкого, никчемного крысеныша ты превратился в готового на любую пакость подонка!

Нутро, как и прежде, спешило предупредить об опасности. Ясночтение вздрогнуло, завибрировало. Ничего не говоря, я пихнул Лиллит в сторону, сам бросился в другую.

Земля под нашими ногами взорвалась. Брызгами ударила в глаза. Костолом, словно обратившись в огромного крота, пробивал себе путь прямо сквозь землю. Громадная туша выросла перед нами. Я выхватил кортик, но великан оказался куда проворней, чем я ожидал. Он схватил меня за голову, ребром ладони выбил из рук оружие. Словно законную добычу, швырнул под ноги своему хозяину.

Я интересовал его в самую последнюю очередь – больше всего ему хотелось добраться до Лиллит. В девчонке он видел равную: будто всю свою жизнь только и делал, что мечтал о таком сражении.

Моя подручная пугливо попятилась, врезалась спиной в каменные обломки. Оглянувшись – нападать костолом не спешил. Теперь он позволил себе насмешку – хрустел костяшками пальцев, играл мышцами, разминал шею. Ему хватило бы всего одного удара, чтобы обнулить полоску здоровья Лиллит. А ему всего-то и хотелось, что поиграть с этой маленькой мышкой.

Орлов схватил меня за шкуру, рывком ставя на ноги, толкнул от себя прочь. По истерзанным плитам пола загрохотал ятаган – словно Орлов хотел прочертить меж нами последнюю грань.

Он здесь герой, а я презренный янычар.

– Возьми железку, Рысев. Я мог бы удавить тебя прямо здесь, и ты это прекрасно знаешь. Но мне не хочется проливать твою поганую кровь в стенах этого почтенного заведения. Вставай, падаль! Дерись, как...

Я не дал ему договорить. Эфемерное зрение сразу же указало мне всю гамму переполнявших его чувств. Он подавился, кашлянул, когда я узлом завязал его ярость, заставил ей же поперхнуться. Ятаган сам лег мне в руку – оружие чужое, неудобное для рук – Валерьевна не учила таким выписывать кренделя.

Мы схлестнулись в яростной атаке – кортик противника прочертил полосу в воздухе, тотчас же отмерил защитный символ, норовя вот-вот вывести его в имя будущей атаки – видать, Орлов не так уж и плохо усвоил прежние уроки.

Я почти что читал каждое его движение, видел, что он будет делать дальше. Ясночтение слилось в экстазе с зрением, что даровала мне Лиллит: переплетение чувств указывали едва ли не на то, в какую сторону он будет бить.

Орлов оказался более непредсказуем – словно распознав после первых неудачных ударов, что я вижу все, резко сменил тактику. Думал об одном, делал совершенно другое. Кто бы мог подумать, что он окажется столь хорошо обучаемым?

Я схватил его же собственные чувства связующими нитями, перехватил ятаган, во второй скомкал сумбур – ударил сначала клинком, заставив мажорчика открыться, лишь после опустил на его открывшееся передо мной плечо сумбур.

Мана взорвалась в нем единым потоком. Ударила прямо в голову – не выдержав, Орлов попятился, кровь брызнула из носа.

– Что за... поганец! – Он ярился с каждой секундой, не зная и не желая знать хоть что-то про внутреннее равновесие. Карьеру он точно выбрал правильную – такие, как он, всегда и в первую очередь хотят мчаться с шашкой наголо и вперед. Не оборачиваясь.

Он жаждал взять меня с наскока – едва восстановившись, вновь оказавшись на ногах, он бросился в яростную атаку. Кортик в его руках выписывал кренделя, пробуя на вкус мою кривую до безобразия защиту. Тяжелые кандалы стали стократно легче после того, как полная полоска маны Орлова соизволила похудеть под воздействием сумбура – словно чуя, что запас сил теперь не столь огромен, сын судьи пользовался своими умениями экономней.

Цепь, проламывая пол, вырвалась прямо из-под земли. Зашелка наручника едва не застегнулась на моем запястье – я нырнул в сторону в самый последний момент. Перекатился, встретил его напор ответным ударом, рывком толкнул от себя прочь. Вскакивая, тут же засадил мерзавцу ногой в живот. Заставил согнуться пополам – клинок из его рук тотчас же заскользил по плитам пола. Пытаясь восстановить дыхание, Орлов бухнулся на пятую точку, опрокинул все, что стояла на столе, схватившись за скатерть.

В ушах повис звон бьющейся посуды. Не помня самого себя, впав в жидкий, неизбывный азарт, я занес тяжесть турецкого ятагана над собой, собираясь обрушить его на голову несчастного.

«Мы не желаем того, чтобы в стенах этого заведения проливалась кровь» – слова Николаевича сами всплыли в голове, подарив мажорчику так нужную ему секунду. Чародейская цепь рванулась с вытянутых рук мажора, тонкой струей затянулась на моей шее. Кандалы всей своей тяжестью не давали мне сдвинуться с места, будто приковали: Орлов резко дернул мою удавку, заставив тяжело рухнуть рядом с ним. Не знаю, что там видели наши однокурсники, но в своей тяге достать друг дружку мы были похожи на уличных котов.

Стена рядом с нами сначала захрустела, лишь после взорвалась крошевом осколков – вдвоем с Орловым, забыв друг о друге на мгновение, мы не без удивления взирали на наших подручных.

Костолом, словно шкаф, рухнул наземь в груды кирпичей, раскинулся, как на троне. Лиллит явилась перед ним прямиком из небытия, приземлилась ногами на широкую грудь – маленький, девичий кулачок врезался в мясистый нос. Голова костолома дернулась, словно затрешины ему отвешивала не девчонка от горшка-два-вершка, а трехтонный великан.

Следующим ударам он случиться не дал – огромная лапища сжалась на её ручонке: рывком он сдернул её с себя, словно паршивую кошку. Кукловод сопротивлялась, как умела. Отчаянье толкало её на безумства, желание победить в этой неравной схватке дергало за ниточки импровизации. Широко разинув рот от удивления, я впервые в своей жизни видел то, что проворачивал сам.

Лиллит схватила за нить чуждой ей ярости, рванула её на себя за миг до того, как исполинский кулак размазал её по ближайшей стене – будто забыв, что имеет дело с тщедушной девицей, здоровяк бил в полную силу. Лиллит выскользнула из его рук, в мгновение ока схлопнувшись в искристый поток. Словно пламя по бикфордову шнуру, едва уловимая взглядом, она оказалась за спиной у великана. Едва поднявшийся, он чуть не рухнул вновь, когда её ноги врезались прямо в его шею. Моя подопечная, оскалившись, не желала заканчивать атаку:

вонзившись ногами в его спину, опутала несчастного связующими нитями со своих рук, резко дернув на себя – широко раскрыв рот, хватая последние остатки воздуха, костолом рухнул на колени.

– Бейся, паскуда! – Орлов подскочил ко мне в яростной атаке. Бить со спины отвлеченного меня ему не позволила то ли совесть, то ли глупость. Выкрик помог выставить блок перед собой.

Клинки схлестнулись, высекая искры. Оба оскалившиеся до остервенения, мы давили друг на дружку. Мне до бесконечного не хватало той силы, которой я обладал раньше. Тело так и желало сунуться под первый удар, подарить врагу преждевременный восторг будущей победы – чтобы через мгновение нанести сокрушительный удар.

Будь при мне дьявольская сила или теневая хватка, бой мог бы уже закончиться. Орлов не желал сдаваться, как раз равным счетом наоборот. Он вкладывал в каждый последующий удар все больше и больше сил, будто в надежде, что мой клинок окажется мудрее, сдастся и хрустнет на его милость, просыплется наземь осколками.

Когда грубость силы не сработала, мажорчик всего на миг отступил, чтобы перевести дыхание. Я рванул к нему, выиграв свой шанс, но вдруг проснувшийся здравый смысл внял пробудившемуся внутри чувству тревоги. Яснотение выхватило ловушку передо мной едва ли не в самый последний момент.

Инерция тащила меня вперед – словно неуклюжий порос, я подался в сторону, впечатался плечом в обломок стены. Орлов воспользовался моей заминкой: его клинок воспарил надо мной, а я вдруг понял, что не успею защититься. Словно назло, под рукой не было ни одной связующей нити. Те, что шли от самого мажорчика, девичьими волосами извивались за его спиной, не спеша лечь в мою хватку.

Булыжник прилетел ему прямо в голову из ниоткуда. Лиллит, будто малое дитя, набрав охапку камешков, наивно прижимая их к груди, отчаянно и зло метила следующий снаряд в него.

Орлов отступил, качнув головой, встретил последующий камень широким размахом – остро заточенная, крепкая сталь перерубила брошенный в него камень надвое. Цепь плетью хлестнула Лиллит по спине. Не ожидавшая подобного девчонка оторопела – спазм боли сковал все ее движения, заставил рухнуть, нелепо просыпались собранные камни.

Сын судьи выглядел не лучше, чем злокозненный паук. Когда мы начинали, в нем были лишь презрение, ненависть и крупица ярости. Сейчас последняя правила бал в его душе, заслоняя здравость мыслей. Будто желая воздать ей за поражение своего подопечного, уже лежавшую, он что есть сил огрел чародейской плетью – ожог, коснувшийся спины Лиллит запунцовел, готов был побежать волдырями.

Следующий его размах я принял на свою руку – запястье будто бы вспыхнуло огнем. Боль побежала кровью по моим венам, норовя обратиться беспомощной слабостью. Бритвой Оккама я отсек ее от себя – словно разобитый змей, она заспешила прочь, в недра сознания.

– Да что... ты... за тварь... такая?

Орлов рычал. Яростные взмахи плети впивались в мое тело. Я не слышал, но чувствовал, как хрустят мои кости. Николаевич, инфантер-генерал по ту сторону всего происходящего, должен был уже остановить нашу дуэль, понять, что она зашла излишне далеко. Из соревновательной части мы вырвались в мордобой. Не до крови – до смерти.

Чародейская цепь хлестнула по руке, затянулась узлом на ятагане, вырвала его прочь. Кандалы одни за другими падали мне на печи, желая задержать. Заклинательские клинья нещадно вгрызались мне под кожу, впиваясь в самую душу, отчаянно натягивались – и рвались.

Я был покорен теперь одной лишь собственной ярости.

Будь при мне внутренний демон, он бы возликовал тому пути, который я выбрал. Не взирая на все колдунства, что потоком пролил на меня мажорчик, я в едином прыжке рванул

к нему. Словно в отчаянии, не зная, что делать дальше, он швырнул себе под ноги ловушку – мои связующие нити поймали его заклинание еще до того, как оно успело родиться, комком швырнули прочь. Орлов протяжно заскулил, когда мой кулак врезался ему в живот.

О нет, братец, так легко ты у меня не отделаешься! Боль красным потоком, будто кровь, хлынула из паршивца – я схватил ее обеими руками, будто желая проникнуть вглубь, жечь поганца изнутри. Подарки Сатаны раньше позволяли мне жалить всего лишь одним прикосновением пальца, умения же кукловода работали иначе. Я пустил по потокам его боли собственную ману. Скулеж в мгновение ока обратился в хрип: выкатив глаза от нестерпимых страданий, Орлов жаждал лишь одного – ухнуть с головой в пучины бессознательного.

Я не позволял, всякий раз выхватывая его из этого спасения, заставляя мучиться все больше и больше.

Мир перед нами вдруг вздрогнул – мы, смотревшие друг дружке в глаза ненавидящим, испепеляющим взором, рухнули на пол.

Системные сообщения, будто желая привести нас обоих в чувство, хлопали крыльями по воздуху, а мне еще и в логе прямо по голове.

Я ненароком глянул на цифру под облаками – наши солдаты, еще недавно столь отважно рвавшие вражину и продвигавшиеся вперед, не просто несли потери – счетчик смертей отсчитывал их гибель, не ведая остановки.

Я выглянул сквозь прореху в стене – тот самый колдун, о котором мне говорил солдатик, во всем своем многообразии вышагивал на нас в исполинской броне.

– Какого черта? – брякнул Орлов у меня из-за спины, не спеша нападать. Я проследил за его взглядом – и у меня родился точно такой же вопрос.

Какого, мать вашу, черта?

Из клубов дыма и пыли выкатился цветастый шар, будто желающий похвалиться всеми цветами, а в особенности красным, сразу. Не сразу, но я понял, что это наши солдаты. Слепленные в единый комок, мертвые, они катились по земле гигантским ядром. Войска, готовые брать Армарскую крепость, таяли на глазах. Их отвага обращалась в ничто, их души уходили в силу колдуна.

ВНИМАНИЕ!

Ваш враг начал контрнаступление! Удержите позиции или вам будет засчитано поражение!

Орлов прочитал то же самое, что явилось и перед моими глазами. Встать ему было трудно – боль, которой я терзал его одной лишь ненависти ради, все еще властвовала в его теле. Никак не желала уходить. Моя же, наоборот, спешила вернуться.

Лекари – мой и Орлова – явились едва ли не из воздуха, осыпали нас целебными заклинаниями.

– Нам надо объединиться, Рысев.

– Что?

– Ты оглох? Нам надо объединиться! Ты паскуда, подлец и тварь! Но если мы проиграем, позор падет на оба наших рода. Ты хоть понимаешь, что это значит?

Я не понимал. Окинул взором бывшего соперника – эфемерное зрение было непреклонно и кивало: он говорит правду и от всей души.

Я облизнул высохшие губы, прищурился, глядя на ту мерзость, что породил этот колдун – если такого и бить, то точно вдвоем...

Глава 5

По воздуху, будто крылья, хлопали размашистые края ковра-самолета. От бахромы рябило в глазах, узор извивался, будто воистину был живым. Сидящий на нем старец был

невозмутим. Закрыв глаза, с головой ухнув за пределы реальности, провалившись в медитацию транса, он тащил за собой тысячу и одно заклинание.

Пушки? Туркам не нужны были пушки при таком чародее.

Словно божественная кара, он низвергал на головы наших солдат огненные дожди. Небо над нами хрустнуло, побежало трещинами – голубая синь раскрылась алой, плещущей жаром раной. Будто из портала в самую преисподнюю, оттуда серным огнем лились пылающие булыжники.

Ковер, будто будучи с колдуном заодно, оставлял после себя дымчатое грозовое облако. Хмурающееся тучей, оно извергало молниеносный гнев на всякого, кому не посчастливилось оказаться рядом. Не хватало разве только что кислотного дождя до кучи, но что-то подсказывало, что у этой бестии есть нечто подобное.

Колдун не ведал жалости. В своей жестокости ему жаждалось указать неверным, какая судьба постигнет каждого из них – мясное ядро из окровавленных человеческих тел мрачным зрелищем надвигалось на ряды наших солдат.

По чародею стреляли. Мне, выглядывающему из развалин башни, отсюда казалось, что я слышу всю ту волну ужаса, что сотрясает наших бойцов от одного только зрелища того, что происходит. Но жажда мести была в них сильнее. Безликие болванчики, фантомы прошлого, всего лишь статисты на поле схватки чужих сражений, они несли в себе заряд самих себя из прошлого. Пусть малый, бесконечно ничтожный и фальшивый до основания, но даже его хватало с лихвой, чтобы восхититься.

Тут впору было разинуть рот от удивления, отрицательно покачать головой и сказать, что на этом мои полномочия все.

– Армарская крепость... – пробубнил Орлов куда-то в пустоту. – Ну конечно же, у них был при себе маг. Один из последних, как же я не догадался? Мне следовало вспомнить...

Он винил себя незнамо в чем. Костолом ворвался на наш праздник жизни слишком внезапно, но, в момент заметив, что мы отринули былую вражду, тотчас успокоился.

Мне бы так уметь усмирять собственную ярость.

Подручный Орлова был побит, подволакивал правую ногу – не знаю, уж что такого с ним сотворила моя Лиллит, но ему явно было некомфортно...

Словно стойкий оловянный солдат, он вытянулся по струнке, ожидая следующих приказов от своего офицера. Разве что не брякнул что-то вроде «долг, честь, морская пехота».

– Старый хрыч знал, что здесь будет. Как только это все закончится, я подам жалобу! Отправлю его под трибунал!

Вместо того чтобы думать о том, что нам делать дальше, мажорчик пытался найти виноватого и насыпать на его голову кучу проблем. Сегодня приговор он выносил лично Николаевичу.

У меня свербило схватить поганца за грудки, хорошенько потряхнуть, ткнуть пальцем в то, что в скором времени будет рядом с нами. А если у нас попросту кончатся солдаты, то, даже одолев эту мразь, мы проиграем.

Мне так и виделось, как Николаевич смотрит на все происходящее и оглаживает усы. Ему плевать на пустые угрозы – он заведомо знал, что, как бы Орлов ни лез из кожи вон, всего его угрозы пусты и беспочвенны. А вот узреть, как два враждующих мальчика пытаются найти общий язык, для него было лучше любого бразильского сериала.

Будь мы в какой дурной книжонке, и я бы подумал, что старый инфантер-генерал хочет создать меж нами уже узы не вражды, а дружеского соперничества.

– Рысев, нам нужен план. Ты слышишь?

Теперь уже за грудки хотел трясти меня он, но сдержался. Что ни говори, а гувернеры сумели привить ему выдержку и дисциплину. Сам он сейчас вытянулся, принял напыщенный, гордый вид – будто мы не проигрываем, а идем в победную атаку.

– Бить его надо, – хрипло выдавил я из себя. В иные времена уже выдал бы на-гора с десяток вариантов того, как нам победить. Безумных, бесшабашных, самоубийственных – в этом не откажешь. Но сейчас не сумел выдумать ничего лучше этого.

Мажорчик махнул рукой, словно давно разочаровался в моих умственных способностях.

Я глянул на вражеского истинного мага и чуть не оторопел.

У него была полоска маны – и уже далеко не полная. Развлекающийся на поле брани старикан не ведал меры ни в методах, ни в собственных силах, а потому в скором времени должен был из преимущества обратиться в обузу.

Ага, в унисон с сарказмом ответил мне здравый смысл, как же! Сейчас полосочка маны у него иссякнет, так он сядет где-нибудь в укромном уголке на своем половике-планере, попьет сакэ или что там хлебают турки, и будет ему новое могущество. Лучше не рассчитывать, что это будет легко и просто. Но одно я знал точно: если хорошенько врезать по нему сумбуром, он может растерять последние ее остатки – и тогда превратиться из всемогущего в абсолютно беспомощного.

– У него с маной проблемы, – тут же озвучил я.

– Чего? – Орлов впервые в жизни слышал про понятие маны. Я покачал головой, попытался объяснить на доступном ему языке.

– У него магические силы выходят.

– Значит, в скором времени он даст нам передышку... – Мажорчик потеребил подбородок, но вместо восторга пал в уныние. Мне-то думалось, что он идиот и головой пользуется раз в год, да и то по праздникам, но он оказался умнее меня. – Надо атаковать его! Сейчас же!

– Что? – Теперь уже настало мое время переспрашивать.

– Ты совсем отупел, Рысев? Как только он уйдет на то, чтобы немного отдохнуть, мы не сможем его достать. Он спрячется за спинами своих солдат – их там целая орда! Мы не прорвемся – ни с боем, ни тайно, если ты, конечно, не умеешь прятаться и становиться невидимым. А как только он восстановит свои силы, мы превратимся для него в ничто!

Орлов как будто позабыл, что мы внутри пусть и крайне реалистичной, но все еще игры. Здесь есть сценарий, развитие событий, но мажорчику казалось, что он с головой нырнул в самое что ни на есть настоящее сражение.

И хотел этому сражению отдать все свои силы, как его с младых ногтей и учили.

Не признать его правоту было попросту невозможно.

– Нам нужен план, – в который раз повторил он. Волнение, обуявшее его, не давало ему здраво мыслить, все думы проваливались в небытие. Планы, что он строил до сего момента, явно казались ему никчемными, проигрышными, не заслуживающими даже того, чтобы их озвучить.

– Мне надо подобраться к нему как можно ближе. Тогда я смогу ударить его... смогу выбить из его часть его магических сил.

Орлов хлопнул себя по коленям, но отнюдь не от смеха. Фыркнул, будто я сказал величайшую глупость на свете.

– Легко вот так сказать – подобраться поближе! Ты же умеешь перемещаться, я видел! Что мешает тебе прямо сейчас нырнуть... не знаю, во что ты там такое прыгал, и оказаться прямо у него за спиной?

– Он маг, – зло буркнул я. – Если он может заставить трупы солдат слипнуться и кататься по полю, словно кровавый мячик, то уж что-нибудь для защиты своей спины всяко придумал.

Орлов выдохнул. Вражда, которую он питал ко мне, все еще подпитывала его ярость изнутри, толкая в лапы кровожадного безумия.

– Тогда нам следует взять отряд солдат под свое управление и рвануть сквозь ряды. Шармэл, ты в состоянии стать авангардом?

Костолом, принимающий помощь от двух лекарей разом, лишь согласно кивнул. Он двигал рукой, словно проверяя, встала ли она на место. Кровоточащие раны на его теле быстро затягивались – он вновь представлял собой оживший бронепоезд.

– Слушай сюда, Рысев, и слушай внимательно. Я воспользуюсь теми очками, что заработал, чтобы взять под командование отряд. Мы врежемся в их наступательную группу клином. Ты, в свою очередь, должен поступить точно так же, но не прорываться с боем, а искать обходные пути. Сколько у тебя очков? Только не говори, что ноль и ты потратил их на ерунду!

– Три сотни, – ответил я. Мажорчик в ответ мне лишь пожевал губы – судя по его взгляду, для успешной атаки мне не хватало как минимум двух тысяч. Я раззявил нутро своей сумки, показав несколько гранат и ту штуку, что могла призвать с десятков солдат.

– Запомни, если кто-то из нас провалится – это крах для обоих.

– А ты из тех солдат, что возьмешь под контроль, не можешь передать мне?

– Здесь это так не работает, остопоп! Это все еще имитация, а не настоящая схватка!

Я окинул его взглядом – до сего момента мне казалось, что забывал об этом здесь именно он.

– Если у тебя есть другие планы, то я выслушаю их, но не надейся, что приму.

Соглашаться с кем-то вроде Орлова всегда сложно. Признать его правоту было стократно труднее. Я выдохнул, покачал головой – свежих идей у меня не было. А то, что я мог сказать, страшно походило на то же самое, что предложил мой недруг.

Орлову не занимать было лидерства. Словно он с самого рождения, что ни уровень, старательно откладывал туда по очку-другому, а потому скопил внушительное состояние.

Очки, полученные им за захват хрустальной пушки, ушли на покупку сотни солдат. Фантомы, еще недавно готовые мारать портки от ужаса, тот же час перешли под командование мажорчика. Его харизма и умение направлять толпу туда, куда ему нужно сыграли свое дело. С диким ревом, оскалившись, натянув на морду прищур пострашнее, он бросился в атаку в первых рядах. Турки, воодушевленные собственным чародеем, дрогнули от яростного, неизбывного напора, что обрушился на них. Войска противника, кои они погнали прочь от крепости, вытащили из широких штанин собственный козырь.

Глядя на то, что творится в первых рядах, я понял, что Шармэл, подручный Орлова, в схватке с Лиллит еще сдерживал силы, а теперь получил карт-бланш.

Словно ожившее воплощение стального медведя, он принимал в себя залпы свинца – пули отскакивали от него, словно от бронепоезда. Товарным составом он тяжело врезался в толпу противников. Турок, попавшийся ему под руку закончил свою жизнь, словно жук – сложив кулаки воедино, костолом обрушил на него страшный удар. Он наращивал темп бега, обрастая его в недлинные, но все-таки прыжки. Едва его ноги касались земли, как из-под ступней расходились ударные волны, опрокидывающие турок. Орлов от своего подопечного не отставал. Словно злокозненный гоблин, он уселся на его плечах. Звон чародейских цепей щекотал слух, звучал, как музыка для утомленных ушей.

Под моим началом оказалось два десятка солдат. Здравый смысл призывал вызвать и тех, кто ждали своего часа в треклятом камне.

Потом, убеждал я самого себя, веря, что это самое «потом» как-нибудь наступит.

Ваш соперник продвигается в направлении Армарской крепости! Потопрапливайтесь!

Я сплюнул – появилось дикое и неизбывное желание захлопнуть лог и закрыть, дабы больше не беспокоил. В голову закрадывались неприятные мысли: что, если Орлов меня кинет? Ухмыльнется и, увидев, что чародей занят мной, ринется на захват крепости? Разве стояла задача ее потом удержать?

Их я отшвырнул от себя точно так же, как все остальное – сейчас следовало думать не об этом.

Костолом мажорчика прокладывал нам дорогу кулачищами: нельзя было терять подаренную возможность.

– Сабли к бою! – выкрикнул я. Прозвучало хуже, чем мне думалось, но сработало. Лог, помимо надоедливых сообщений поспешил обрадовать меня получением очков престижа. Моя краткая, но вдохновляющая речь потекла по рядам бойцов – лидерство прокнуло, обратив несмышленных солдат в самых настоящих львов.

Прорубаться было тяжело. Потомки янычар, хоть и были лишь призраками самих себя, не желали столь легко сдавать возведенную ими крепость. Зубами держась за каждый сантиметр, проливая галлоны крови в горячий песок, они стояли насмерть.

Бой, увязший в этой точке, обратился в кровавую, бесполезную, ничего не значащую мясорубку. Счетчик чужих жизней таял, в скором времени обещая показать дулю: здравый смысл мрачно шептал на ухо, что, как только их останутся не тысячи, а сотни, нам обоим придется смириться с позором, что ляжет на наши роды.

Чем смывается позор? Что-то мне подсказывало, что кровью. Да еще и не при лучших обстоятельствах.

Перед нами выскочила конница. Стискивая в руках винтовки, отчаянно целясь, турки желали унять взнузданных, утонувших в горячке боя коней. Копыта месили грязь, хлупали в крови, давили плоть лежавших на земле трупов. Я рванул на себя нити конского спокойствия, словно уздечки. Они спешили лечь мне в руки. Лошади тотчас же вздыбились. Заржали, желая скинуть седоков. Подвластные мне бойцы, не дожидаясь приказа, будто читая мысли, открыли огонь на поражение.

Подскочившие к ним пехотинцы скушали блеском ятаганов троих. Лиллит замешкалась, а я ниспослал мысленное проклятие на спину девчонке – прикрывать своими куклами бойцов было ее задачей. Моя подручная проворонила, и мне это не нравилось.

Не нравилось ровным счетом до тех пор, пока нахлынувшую на нас пехоту не смахнула прочь мраморная статуя. Скрипя, рассыпаясь в прах, оставляя за собой пыльный след, она вышагивала гордым, непоколебимым маршем. Стальная декоративная пика пронзила всадника вместе с конем, рывком обрушила тушу на турецких солдат, пинком швырнула ее прочь, чтобы одним взмахом сбить засевших в окопе стрелков. Лиллит, управлявшая статуей, выхватила из моей же сумки гранату – бомба закатилась точнехонько в турецкие укрепления.

От взрыва нас закрыл мраморный великан, широко расставив руки, принимая в свое тело град осколков. Я одобритительно глянул на девчонку, в голове бурлил только один вопрос.

– Где ты откопала этого бродягу?

– В развалинах башни, – как ни в чем не бывало, пожав плечами, пытаюсь отдышаться, ответила мне она. – Думаешь, я сама дралась против того здоровяка?

Мироздание сопротивлялось такому вопиющему нарушению всех правил даже в имитации. Ему претило, что мраморная статуя, навек застывшая в единой позе, смеет двигаться, словно человек – с каждым шагом прочность изваяния падала на несколько единиц, а замахи и удары жрали полоску здоровья едва ли не как в голодный год.

Чародей был против. Взгляд старика рухнул на нас, словно пустельга, выхватил наши мечущиеся на поле брани фигуры.

Вырвавшись из пучин медитации, не желая давать нам возможности наступать, он выхватил молнию из той самой тучи – ей, словно плетью, прошелся по мясному шару, давно окрасившемуся в кровавый цвет. Ядро мертвецов покатилося в нашу сторону, и в тот же миг застыло на месте – воздух прорезал жуткий, оглушающий скрип. Чародейские цепи возникали прямо из воздуха, нещадно впиваясь в гигантский снаряд. Опутывая собой, пытаюсь удержать, они рвались, растягивались, но не смели противиться воле создавшего их аристократа. Орлов пыжился

изо всех сил – казалось, он собственноручно удерживает эту машину от того, чтобы она катилась дальше. На лице вспухли вены, краска брызнула к щекам, жуткий оскал, глаза навывкате – сказать, что мажорчик филонил, не осмелился бы никто.

Костолом вложил кучу маны в один огромный, резко сокращающий расстояние меж ним и чародеем прыжок. Несчастные потомки янычар отчаянно, давясь собственным ужасом, тщетно прятались за каплями щитов – с жутким хрустом, разбрызгивая ошметки тел, он вдавил несчастных в землю, лапищей сдернул из-под чародея дернувшийся ковер-самолет.

Тот не простил обиды, взорвался прямо в руках костолома – окровавленный, израненный осколками, рыча будто зверь, он все еще был жив. Турки, получив шанс, ринулись на него в ярости своих атак – впустую. Клинки врезались в могучее тело, оставляя лишь царапины зарубок, словно это не мраморный истукан Лиллит, а костолом был сотворен из камня. Не переставая реветь, ничего не видя перед собой, закрыв кровоточащие глаза рукой, великан сделал несколько шагов – огромные руки расшвыривали толпы врагов. Но несмотря на всю его мощь, что-то подсказывало, что если мы не закончим как можно быстрее, подручный Орлова будет обречен.

Николаевич не желал останавливать схватку. Все ли у него в порядке с головой? Или любой офицер подручного за человека не считает? А как же Валерьевна?

Ответов на вопросы не было. Здравый смысл говорил, что мы обязательно озвучим их старику прямо в его шикарные усы, но для начала следует хотя бы выжить и задать этим поганцам жару.

Маг во всей своей красе бухнулся оземь, прокатился. Белизна одеяний тотчас же изгваждалась в черной грязи, чалма слетела, обнажив седую голову. Борода из красиво уложенной обратилась в включенную, едва ли не стоящую торчком.

Былое спокойствие с чародея будто корова языком слизнула – теперь ему жаждалось ответить на нашу наглость. Взор, полный злобы, выискивал посмевшегося сотворить с ним это гадство. Рот, чавкающий, плюющий липкой слюной, изрыгал жуткие проклятия на спины неверных нечестивцев.

Заклятия росли передо мной, что сорная трава после дождя. Черные, немые облики чего-то с чем-то щерились клыками, лезвиями рук, шипами ног.

Свой несуразный вид они обещали оправдать необузданной жестокостью. Каждый из них метил в меня, словно в единую цель. Вращаясь на одном месте, будто юла, они мясорубкой спешили мне навстречу.

Мраморный великан обрушился на них, закрывая меня собой. Под его могучими шагами они чавкали, словно талая грязь, ошметками лютой злобы разлетаясь в стороны.

Маг не стал ждать – молния, соскочившая с его пальца, словно сетью окутала моего защитника. Я почти почувствовал, что где-то очень далеко от дикой боли взвыла Лиллит. Кровь у девчонки хлынула из носа.

Ну все! С этим пора заканчивать!

Сумбур тяжелой дубиной лег мне в руку. Чужие чаянья и угасающие в предсмертном месиве надежды могучим молотом обрушились на чародея, чтобы тотчас же разбиться о выставленный им щит. Я нырнул, уходя от брошенного в меня заклятья – земля в том месте, где я стоял мгновение назад, вздыбилась, исторгая из своих недр огненные искры. Волшебник страшно ругался – нерадивость потомков янычар загнала их в его же ловушку – вмиг, оставляя после себя лишь оборвавшийся крик, они исчезали в чародейском пламени.

Боль, подумалось мне, это тоже эмоция, это тоже хорошо. Впаять бы в нее еще что для термоядерной помеси – и будет совсем прекрасно. Следующий сумбур я метил прямо в ноги – турецкий чародей, словно чуя непрощенный подарок, рассек его ятаганом прямо на лету. Я смотрел во все глаза, не скрывая своего удивления: кто вообще в здравом уме мог бы подумать, что нечто подобное можно так запросто разрубить?

У ясночтения чесались глаза в жарких надеждах хорошенько изучить клинок, мне же оно было без надобности. Я запрыгнул на навсегда застывшего в неестественной позе великана – мраморный гигант покачнулся, словно вот-вот собираясь упасть.

Чародей огненной плетью шелкнул мне по плечу. Пламенеющее кольцо тут же стиснулось на моей руке – змея, разинув пасть, показала клыки, шипя жаром, вцепилась в ухо.

Маг сдернул меня вниз – где-то внутри него проснулась невиданная глупость убить меня собственными руками. Оказавшийся рядом, соткавшийся прямо из воздуха, он занес клинок, а я схватил его за ногу. Жаждалось пробудить в себе эгиду и то, что приносило врагам нестерпимую боль – сейчас бы они были как никогда кстати.

Вместо этого потянул чародея на себя в тщетной надежде повалить его в грязь. Дернул на себя витающие прямо в воздухе обрывки эмоций – они легли в руку, словно многохвостая плеть. Связующими нитями я обмотал их вокруг его ноги и связал с последними мгновениями угасающего солдата.

Маг взвыл. Отчаянье, смерть, обреченность на миг затуманили разум, заставили, ослабнув, выронить ятаган, схватиться за голову.

Я подхватил меч еще до того, как он рухнул в грязь – всего лишь за миг раньше, чем прыгнуть в очередное угасающее чувство.

Его грязная шея показалась мне самой желанной целью на свете. Его клинок был почти что невесом – заклятый, все еще подпитываемый чародейством из недр своего хозяина, он обещал разрубить любое заклятье, каким бы оно ни было. Заклятье, сказал мне хрустнувший, словно ледышка, разлетающийся в клочья меч. Заклятье, не щит.

Уж наверняка спину он себе как-нибудь защитил, пробубнил я самому себе то, что втолковывал Орлову. Маг резко развернулся – поток маны, в момент обратившийся жгучей болью, полоснул меня по груди. Мне показалось, что внутри начинает закипать кровь и варятся внутренности – одному лишь богу известно, почему у меня не разорвалось сердце.

Из глаз фантомного чародея на меня смотрело горькое поражение. Он наслаждался каждым мгновением – ведь его губы шептали для меня и Орлова будущий позор.

Не успею, понял я, протянув руку, дабы сотворить еще один сумбур. А если и успею, у него все равно хватит сил на последний удар.

Кандалы, загремевшие чародейскими цепями, вырвались словно молния из грозовой тучи. Схлопнулись вокруг головы, зажимая готовый произнести мой приговор рот.

– Бей! Бей, безродная паскуда, слабак, подлец! – Орлов нисколько не стеснялся в выражениях. Былой лоск слетел с него давно, но сейчас он больше остальных походил на замученного войной солдата. В его голосе звучала мольба, в глазах бушевал огонь ускользающей, никак уже не зависящей от него победы.

Чародей мотнул головой, плевком разбил неловкое сплетение чар родового дара сына судьбы.

И тут же пошатнулся. Сумбур, созданный мной, врезался ему в живот, на этот раз уже минуя щит – мана едва ли не потоком хлынула из мага прочь.

Он согнулся пополам, второй мой выпад встретил уже выставленным вручную охранком, отшвырнул меня прочь потоком воздуха – на большее ему банально не хватало сил.

Ковер-самолет верным спутником спешил к хозяину, лелея надежды утащить его к источнику маны. Кровавый шар, наводивший ужас на наших солдат, распался, рухнул самым туркам под ноги, заставив их тщетную контратаку захлебнуться.

– Шармэл! Шарм... эл! – Орлов задыхался от нескладицы сбившегося дыхания. Словно утратив в меня всякую веру, он теперь возлагал надежды лишь на подручного.

Тщетные надежды.

Несчастный костолом недвижимо лежал, поглощенный силами фантомов. Хотя и с трудом, но туркам удалось обуздать непокорный нрав великана.

Живой, предупредило меня ясночтение, в отключке.

Цепи одна за другой опутывались вокруг чародея – еще не ведая того, что случилось с его слугой, мажорчик отчаянно ждал помощи.

Ковер-самолет сбил его с ног, отшвырнул прочь. Маг, лишившийся немалой части своих сил, хотел разругать кандалы ятаганом, словно забыв, что я отобрал его у него.

Это ненадолго, говорило мне ясночтение. Все эти гремящие цепи, наручники и прочие пятьдесят оттенков серого лишь на краткий миг. Он высвободится – не без труда, но что делать, когда...

Тень мраморного мертвого изваяния закрывала собой чародея. Мелькнувшая в голове мысль заставляла идти на безумства. Я глянул в сумку, надеясь узреть там гранату, но та была пуста.

Лишь шар, вызывающий солдат, одиноко ждал своей участи. Пойдет, ухмыльнулся я, швырнув его в воздух. Высвободивший руку чародей попытался сбить брошенный снаряд чародейским потоком, словно читал мои мысли. Промазал, обрадовался я.

Судьба мага была предрешена.

Ничего не понимая, выпуская от ужаса винтовки из рук, солдаты падали прямо на статую – покосившаяся под их весом, тяжелой каменной плитой она устремилась прямо на только что освободившегося чародея.

Он успел обернуться и закрыться руками, прежде чем его впечатало в землю.

Исход сценария был решен в нашу с Орловым пользу...

***

Мне казалось, что как только все это закончится, я выскажу Николаевичу все. Здравый смысл тщетно пытался обтесать будущую тираду до чего-то цензурного, но получалось у него плохо.

Встречали нас аплодисментами. Врачи, кем бы они ни были, тотчас же засуетились вокруг нас, спеша обратить полученные от призраков побои в пыль и пустоту воспоминаний.

Шармэл был плох, но явно должен был поправиться. По крайней мере, мне хотелось в это верить. Здравый смысл зло усмехался над моим благородством: жалеть израненного противника? Что такое на меня нашло?

Николаевич шевелил усами.

– Ну братцы, ну молодцы. Показали остальным, что значит, офицерская работа. Хвалю.

Мы молчали. Говорить что-то разом расхотелось – за годы, что он провел в офицерском корпусе, наверняка слышал все.

Нам уже нечем было его удивить.

Армарская крепость пала под нашим неиссякаемым напором. С трудом, потом и кровью мы взяли победу в давно свершившемся сражении, навсегда запечатлев холодный пот и горький хлеб истинного офицера.

Я протянул Орлову руку, но сын судьи посмотрел на меня с пренебрежением.

– Может быть, нам и пришлось объединиться, – прошипел он мне в ответ, – может быть, этой дуэлью нам и хотели доказать, что все наши обиды тщета и пустое. Но я все еще считаю тебя подлецом, Рысев. Не строй на мой счет обнадеживающих иллюзий.

Я ему ничего не ответил. Что можно сказать на подобное? Из зала мы выходили героями, только что умудрившимися лишь чудом не навлечь позор на свои роды.

Мне думалось, нас окружают, как и тогда, когда мы шли на эту бойню. Думалось, что из ниоткуда выскочит Женька, пожмет руку, а Дельвиг, взбудораженный и возбужденный, будет лопотать без умолку.

Наверно, так бы оно и было, но вместо этого они мрачно стояли в стороне, боясь бросить на меня взгляд.

Что-то случилось, понял я. Настроение – приподнятое после победы – спешило прыгнуть в пропасть со скалы.

Чувство того, что случилось непоправимое, только укрепилось во мне, когда я увидел Майку.

Кто вообще пустил девчонку в офицерский корпус?

Едва завидев меня, она тут же бросилась мне на грудь, спеша скрыть дурную весть за шорохом бессвязного рыдания.

У меня не хватало сил, чтобы спросить, в чем дело. Девчонка подняла на меня заплаканные глаза.

– Федя... Федя, он умер.

– Кто... умер? – еще не сразу поняв, о чем она, переспросил я.

– Ибрагим, Федя... Мне звонила Менделеева. Ибрагим Кондратьевич умер.

Мир у меня перед глазами померк, в мгновение ока окрасившись во все оттенки черного...

Глава 6

Егоровна выдохнула, как только я упомянул старика.

Мне-то казалось, что ее больше ничем не пронять. Жестоко ошибался.

Железная леди, способная сохранить лицо и перед гневом самого Императора, явно плавала в легкой грусти. Кем был для нее Кондратьич?

Он уже не расскажет, она же не признается и под пытками.

– Хороший был тогда день, помнишь?

– Хороший? Лило как из ведра! – воспротивился я. А может, хорошим он был по ее мнению лишь по той причине, что в него не стало Кондратьича?

Горечь потери преследовала меня и сейчас.

Казалось, что со временем уйдет, сгинет в небытие, как и все остальное. Здравый смысл лил елей успокоения: кто он таков, этот старик, чтобы по нему так убиваться? Ты был с ним знаком всего лишь месяц, говорил он.

А мне казалось, будто бы я знал неопрятного крестьянина всю жизнь.

Словно тут же забыв о нем, Егоровна поспешила сменить тему.

– Ваш этот инфантер-генерал, как его...

– Николаевич. – Я возмутился сразу двум вещам. Пренебрежению, с которым глава инквизиторий говорил о величайшем офицере, которого мне только удалось повстречать за свою жизнь, и тому, что память отказала мне назвать его имя.

Николаевич и Николаевич, чего ж тебе еще треба, собака?

Старуха щелкнула пальцами.

– Именно. Тут пришла информация, что он ранен в боях за Петербург. Говорят, лично командовал первокурсниками и своей... сворой подручных. Какая жалость, что смерть к нему милосердна.

– Вы как будто ненавидите его.

– Напротив, – тут же возразила Егоровна, ткнув окурок сигареты в стол. Лак столешницы тут же почернел, а старуха потянулась за следующим цилиндром табака. – Мне очень импонируют его бестолковые седины. Грубый солдафон, всю жизнь только и занимающийся обучением одних грамотно убивать других. Мой личный подход, одобряю. Но знаешь ли ты, мальчик, что за его сединами тянется просто череда предательств, ударов в спину и головотрясства? Можно быть отважным героем, способным продать родную мать за родину, но это еще не делает из тебя замечательного человека. Просто человека еще может быть...

Она умолкла, давая мне слово. Я долго пытался собраться с мыслями, прежде чем заговорить вновь. Она выдохнула, решив меня подтолкнуть.

– Веришь или нет, мальчик, но твой мастер-слуга мне нравился. Был в нем своеобразный шарм, не присущий другим. Хочешь знать, почему я считаю, что тот день был хорошим?

Я вновь позволил себе не отвечать. Зачем, если вопрос был риторический?

– Его смерть перевернула в твоей душе многое. Ты... как будто бы даже повзрослел после нее, стал старше. Увидел новый свет в прежнем безбашенном существовании.

– Что? – переспросил я, подняв на нее взор. Егоровна как будто плавала в каком-то своем супе из объяснений.

– Видишь ли, ты кидался куда ни попадя. Опасность? Ты не чуял ее, как будто желал взять себе ее имя. Что ж, иногда мироздание, сколь бы смешно это ни звучало, в самом деле отвечает на подобные позывы. Ты стал той самой опасностью – для других. Убивал, не ведая ни пощады, ни жалости...

Я хотел возмутиться, но она коснулась пальцем моих губ, заставив умолкнуть.

– Тише, мальчик, тише. Все хорошо. Я не осуждаю. Если не ты, значит тебя – в этом мире все довольно скверно устроено. Знал бы ты, как мне самой не нравится такой миропорядок, но что поделать? Но что касается тебя – ты начал осознавать с того момента, что другим опасно быть рядом с тобой. Ты, словно магнит, притягиваешь неприятности – и ладно бы только на свою голову. Ну, будет. Ты помнишь, что было дальше?

– Похороны, – мрачно заявил, я и она кивнула. Сладко зажмурилась, велев продолжать, ибо она внимательно слушает. Я поежился – воспоминания о тех днях были не лучшими, а берeditь старые раны хотелось меньше всего.

Но выбора у меня не было.

***

Лило как из ведра.

Думал, так бывает только в кино – черный кадиллак-катафалк, разодетые в черное друзья и родственники, священник с заульным лицом: смотрит, будто познал всю суть.

И все это на фоне непрекращающегося дождя и ровненьких, словно по линейке, прибранных могил и белых крестов.

Наверное, только в кино так и бывает, потому что нам достался отпевала-самодур, старое, неприбранное кладбище и мерзкий дождь.

Не люблю похороны.

В мире сложно найти человека, которому они в самом деле были бы по нраву. Гроб, скорбь, опущенные руки и взгляд, так и вопрошающий у земли – что делать дальше?

Я просил прийти Славу. Просить ангелицу оказалась сложнее, чем искать зимой цветы – она во всем искала выгоду. Для себя или для своей ангельской клики.

Я знал, что она откажет еще до того, как увидел, а потому не удивился. Слово извиняясь, девчонка предложила взамен овладеть ее телом, но мне было точно не до этого.

Славя сказала, что не понимает людей, а я еще и самый непонятный на ее памяти. Я лишь кивал ей в ответ, обещая себе, что отнюдь путь в церковь для меня закрыт. Это потом мне в голову придет догадка, объяснившая ее поведение, а тогда я был крайне зол и взбешен.

Майя не находила себе места. Тармаев-старший, после того как я немного восстановился в правах перед Императором в «Театре», оттаял. Мне казалось, что где-то во мне он вдруг разглядел перспективы для будущего замужества дочери. Рассматривать Рысева-опальника как кандидата в зятя? Что за бред?

А вот народного героя, пусть и не такого прямого, можно. В газеты мое имя не попало, но слухи, что черти, спешили к каждому на уста и в уши.

Сейчас девчонка стояла рядом со мной с отрешенным видом. Наше расставание в туннелях-под-мостом не прошло для нее даром: эфемерным зрением я видел, как в ней все еще

вертится клубок обиды. Хотел отсечь, но не стал. Пусть хотя бы наши с ней отношения будут воистину честными, без вмешательства.

Алиска словно была где-то на фоне. То тут, то там – пока мы предавались скорби, надеясь утешить друг дружку в тесных объятиях, она парила от одного приказчика к другому. Заказывала гроб, поминальную службу, искала священника и место на кладбище...

Совість подсказывала, что следует поймать ее позже за рукав, сказать спасибо.

Женька с Дельвигом тоже были тут – то ли в желании поддержать меня, то ли отдать последние почести старому солдату. А может, и то и другое одновременно.

Нас всех объединяло молчание. Говорят, что люди держатся меж собой на крепких швах диалога – так им легче достигнуть понимания. Сейчас же все было наоборот.

Священник вещал какую-то дичь, а мне вовсе не хотелось его слушать. Я замечал на себе его любопытствующий взгляд: с каких это пор барин столь сильно убивается по своему слуге? Иные видели бы в Кондратьиче расходный материал, я же ощущал в нем только друга.

Не унимаясь, священнослужитель спешил нас заверить, что все мы лишь мешки с мясом, гости на чужом, подаренном нам празднике, и однажды каждому приходит время уходить.

А мне казалось, старика оплакивает само небо. Разве может оно молчать, когда из жизни ушел такой замечательный человек?

Когда за нашими спинами остановился роскошный, шестиколесный «Маркграф», я встрепенулся. Интуиция била в набат, говоря о близкой опасности. Напряжение почти сошло на нет, когда приехавшим оказался всего лишь Орлов.

Не изменяя своему привычному стилю, он был одет как щеголь. Мне думалось, что я прекрасно знаю, чего он хочет.

Схватить меня за пуговицу мундира, улыбнуться и, склонив голову набок, потребовать реванша. Потому что ничья в дуэли – что такое ничья в сражении за честь?

Но даже он умел преподнести сюрприз.

– Зачем ты приехал? – Мой голос был сух и строг. Мне казалось, что Майка решит спрятаться за моей спиной, а вышло наоборот. Огненная дочь Тармаевых загородила меня от него, словно разделяющее пламя вражды. Чтобы ни один из нас не посмел сцепиться друг с дружкой за неосторожно брошенное слово.

Он выдохнул, вытащил платок из кармана, утер лицо. Дворецкий, а может быть, какой еще лакей едва заметной тенью стоял поблизости, держа над головой господина зонт.

Громила-костолом сидел в машине, даже не глядя в нашу сторону, красуясь свежим, подаренным ему Лиллит шрамом.

– Я приехал выразить тебе соболезнования, Рысев.

– Что?

Я то ли ослышался, то ли обознался. А может быть, все это очень изощренный способ подшутить и еще разок усмехнуться над моей потерей?

Нет.

Орлов был серьезен как никто другой. Он по-прежнему не готов был подать мне руки, но боль утраты... боль утраты он знал очень хорошо.

– Мы можем враждовать. Можем осыпать друг дружку ударами, оставляя на память о унижении синяки и ссадины, – проговорил он четким, хорошо поставленным голосом. – Но это вовсе не значит, что в нас не должно оставаться ничего человеческого Рысев. Дом Орловых здесь и сейчас готов оказать тебе поддержку и помощь с похоронами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.